Е. Н. Полякова

Старинные названия на карте Перми

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Е. Н. Полякова

Старинные названия на карте Перми

Пермь 2013

УДК 81’373.21 (470.53)
ББК 81.03
П 54

Полякова Е. Н.

П54 Старинные названия на карте Перми: монография / Е. Н. Полякова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. – 103 с.

ISBN 978-5-7944-2260-3

В книге в научно-популярной форме рассказывается о происхождении пермских топонимов Пермь (Пермь I, Пермь II), Пермянка, Кама, Егошиха, Стикс, Разгуляй, Данилиха, Мотовилиха, Слудка, Заимка.

Данное издание подготовлено по результатам проведенного автором специального изучения каждого представляемого здесь топонима на основе сравнения его с материалами словарей и исследований различных географических терминов и другой лексики.

Книга адресована школьникам, студентам, преподавателям школ и вузов, научным работникам, краеведам и всем интересующимся историей и культурой Пермского края, топонимией Прикамья, ее собиранием и сохранением.

УДК 81’373.21 (470.53)
ББК 81.03

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского государственного национального исследовательского университета

Издание подготовлено при финансовой поддержке грантов АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3/11793, № 2.1.3/11776; гранта, выполняемого в рамках тематических планов по заданию Министерства образования РФ, № 6.3782.2011

Рецензенты: д. филол. н., профессор, зав. кафедрой русского языка Вологодского государственного педагогического университета ***Г. В. Судаков***, к. филол. н., доцент, зав. кафедрой русского языка Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета ***И. И. Бакланова***

ISBN 978-5-7944-2260-3

Фото на обложке Е. Н. Поляковой

ПЕРМЬ

В 1647 г., т. е. более 360 лет тому назад, в «Переписной книге воеводы Прокопья Козмича Елизарова по вотчинам именитых людей Строгановых» впервые упомянут населенный пункт на территории центра современного города Перми – починок (т. е. вновь образованное, «початое», поселение) на реке Каме в устье реки Егошихи, в районе Речного вокзала и Петропавловской церкви. В книге записано: «*Починок на реке на Каме и на речке Егошихе, а в нем двор: Власко Федотов сын Карнаухов*» и «*Починок на реке на Каме и на речке Егошихе, а в нем крестьян: Сергейко Павлов сын Брюханов, у него дети Климко да Ивашка*». Женщин и девочек в переписных книгах не отмечали, записывали только лиц мужского пола, на которых накладывали подати.

По именам, отчествам и складывающимся фамилиям нетрудно установить, откуда пришли сюда эти крестьяне. Так, в писцовой книге 1623 г. в сельце Никольском на речке Муловке (ныне село Верхние Муллы на речке Мулянке в пригороде Перми) записан пищальник *Павлик Кузьмин сын Брюханов*, а в переписной книге 1647 г. – один из его сыновей, *Коземка Павлов сын Брюханов*, который продолжал жить в Никольском. Его брат, *Сергейко Павлов сын Брюханов*, переселился на Егошиху. У другого поселенца на Егошихе *Власки Федотова сына Карнаухова* в 1647 г. в Никольском тоже жили братья *Сенька, Никитка* и *Елисейко Федотовы дети Карнауховы*. Так что и *Власко Карноухов* был из того же села.

Какую культуру, какую речь, какие географические названия могли принести на Егошиху в XVII в.

ранние ее поселенцы? Понять это позволяют данные ономастики, т. е. имена собственные.

В Никольском (сельце Верх-Муллинском) и относящихся к нему деревнях, как свидетельствуют переписные документы, в начале XVII в. жили выходцы с Верхней Камы и ее притоков, а также с Русского Севера (ныне это территория Поморья, Архангельской и Вологодской областей). В переписных документах нередко указывалось, откуда пришли новые жители, и в писцовой книге 1623 г. отмечены выходцы из Прикамья – с Обвы, Иньвы, из Усолья, т. е. из поселений в вотчинах Строгановых (ср.: *Федька Захарьев сын Обвинец, Тараско Семенов сын Инвинец, Осипко Иванов сын Усольцов*), и с Русского Севера: *Микитка Семенов сын Вологжанин* (из Вологды), *Андрюшка Антонов сын Важенин* (с реки Ваги), *Ивашка Иванов сын Третьяков Пенежанин* (с реки Пинеги), *Артюшка Васильев сын Верхолалец* и *Аничка Васильев сын Верхоланцев* (с верховьев реки Лалы).

Процесс освоения русскими бассейнов Верхней и Нижней Мулянок в последующую четверть века шел очень активно. С севера Пермского края, из Чердыни и Соли Камской, в более теплый и удобный для хозяйствования район Прикамья переселилось большое число крестьян. В чердынской переписной книге Прокопия Елизарова 1647 г., в которой зафиксированы жители Верхнего Прикамья, встречаются постоянные отметки «двор пуст», так как крестьянин «сшол в Сибирь» или «сшол безвестно», т. е. неизвестно, куда именно. Но в этой же переписной книге по вотчинам Строгановых некоторые имена и фамилии всплывают «на Муллах». Здесь вообще много переселенцев из Чердыни (например, *Захарко Иванов*

сын Сковородка Чердынец), из чердынских погостов (сел) и деревень: Амбура (*Мишка Анферов сын Онтал Чердынского уезда из Анбора погоста*), Гайн (*Сергейко Ларионов сын прозвище Богдашка Чердынского уезда из Гаен*), Губдора (*Васька Федоров сын Чердынского уезда из Губдора погоста*), Долды (*Ивашко Дементьев сын Шебунин Чердынского уезда с Долды*), Зулы (*Савка Васильев сын Чердынского уезду из Зулы*), Койпта (*Гришка Максимов сын Бырылев Чердынского уезду из Койпта погоста*), Кольчуга (*Гришка Арефьев сын Орехов Чердынского уезду из Кулчуга*), Лимежа (*Никифорко Васильев Чердынского уезду из Лимеша*), Покчи *Кондрашка Иванов Чердынского уезда Покчинского погоста*), Ракина (*Левка Алексеев сын Ракинцов Чердынец*), Сумыча (*Матюшка Григорьев сын Лунцын Чердынского уезду из Сумыча*) и т. д. Были здесь переселенцы и из Соли Камской (*Киприянко Назаров сын прозвище Жданко от Соли Камской, Федька Иванов сын Мерзлые Каши Соликамского уезду, Мосейко Козмин сын Черепановых Соликамского уезду с Косьвы, Данилко Федотов сын Соликамского уезду с Зырянки, Мишка Игнатьев сын Кыласов Соликамского уезда*).

Продолжался приток выходцев и с Русского Севера, из бассейнов рек Северной Двины (*Никандрко прозвище Сидорко Софонов сын Двинянин*), Пинеги (*Ивашко Сергеев сын Пиняженин*), Мезени (*Сергейко Сергеев сын красильник Мезенец*), Ваги (*Андрюшка Антонов сын Важенин*), Вологды (*Федька Никитин сын Вологжанин*), Выми (*Тимошка Селиверстов сын Селиванов с Усть-Выми*), Вычегды (*Ивашко Иванов сын Вычагжанин*), Лузы (*Ивашко Пахомов сын Лузянин*), Сысолы (*Семенко Лукоянов сын Ушаков с Сысоля*), Юга (*с устья Юга Матюшка Пахомов сын*

Устюжанин). Прибывали «на Муллы» с верховьев Камы из Кайгородка (*Исачко Дмитриев сын Кайгородец*) и с Вятки (*Родионко Прокопьев сын Проторчин Вятчанин*).

Таким образом, первые переселенцы, прибывающие «на Муллы», а также отмеченные в устье реки Егошихи, скорее всего, были носителями северных пермских (севернорусских по происхождению) говоров и общались с такими же людьми, что должно было сказаться на их речи, материальной и духовной культуре. И хотя дальнейшее развитие пермских северных и муллинских говоров шло разными путями и иноязычное окружение их было различным (на севере коми, «на Муллах» татары), но сохраняется много общих для Пермского края старых диалектных особенностей.

На Егошихе выросла деревня Брюханова (по фамилии Брюханов, существующей в Перми и в настоящее время), а в 1723 г. на реке выше деревни по представлению В. Н. Татищева был основан государственный Егошихинский медеплавильный завод, который и принято считать основой города Перми. Итак, с появлением города связаны поселения, уже имевшие названия (река Егошиха, деревня Брюханова, Егошихинский завод). Почему же при основании на месте заводского поселения губернского города указом Екатерины II ему было дано новое имя? И почему именно Пермь?

Причина, по которой правительство дало новому городу название Пермь, понятна. В России проводилось административное деление всей обширной территории, и в 1780 г. на Урале было образовано крупное наместничество, которое затем стало губернией. Она охватывала колоссальную территорию со-

временного Пермского края, Свердловской области, части Тюменской, Курганской областей и Республики Коми. Жителям Центральной России и столицы земля на востоке (в бассейне Верхней Камы) была известна как территория, на которой с конца XIV в. до XVIII в. существовала Пермь Великая. И вся часть России в бассейне Верхней и Средней Камы считалась пермской. Естественно, и губернию называли Пермской по наиболее известной ее части.

Нужен был такой центр этой губернии, с которым было бы нетрудно связаться из столицы и который стоял бы на пути в Сибирь. Наиболее удобным оказалось место расположения Егошихинского завода: на большой реке Каме, близко от устья ее левого притока – Чусовой, реки, которая преодолела Уральские горы и непосредственно связывала европейскую и азиатскую части обширной территории. Реки в ту пору были главными транспортными путями. Здесь и должен был разместиться главный город Пермской губернии, который логично было назвать Пермью. Официальное открытие его состоялось в 1781 г.

Итак, город назвали Пермью, потому что край был известен как Пермский, потому что тут существовала на протяжении нескольких столетий Пермь Великая. А откуда слово Пермь в этом названии? Что оно значило? Почему так называли Верхнее Прикамье? Попробуем ответить на эти вопросы.

Спросите жителей Перми, почему так назван их город. Половина ответит, что просто не знает. А 80 % второй половины ответят: «Название города образовано от слова *парма*». Действительно, слово *пАрма* (с ударением на первом слоге) звучало и звучит в речи жителей Прикамья. Оно возникло в говорах комипермяцкого языка, где им обычно называют возвы-

шенность, покрытую девственным лесом или густой лес на возвышенности. Известно оно и в близких коми-пермяцким коми-зырянских говорах как термин, называющий лесистый кряж, увал. Из коми языка оно проникло в русские говоры Пермского края, и русские тоже стали называть *пармой* глухой лес обычно на возвышенности. Это слово не раз записывали во время диалектологических экспедиций в Чердынском, Красновишерском, Соликамском, Лысьвенском, Добрянском районах, в русских говорах Коми-Пермяцкого округа, ср.: *Пармой всегда лес густой зовут, непроходимый лес, тайга это; Раньше пармой называли дикий, дремучий лес; Тёмный лес – ёлка, пихта, сосна. Самый густой – там уже парма; Ето лес называтся парма – густой, нерубленой, он как стена стоит.* В некоторых русских говорах Прикамья слово произносится с ударением на последнем слоге (*пармА*) и с тем же значением: *В нашей парме, таком густом лесу, заблудиться можно. Пармой у нас зовут густой высокий лес. Там даже в солнечный день на землю не попадает солнце*.

В говорах появилось и слово *пАрмица*: *Дочь с мужиком в парму уехали, её раньше пармицей звали, парму-то*.

Нарицательное слово *парма* проникло и в топонимию, т. е. стало употребляться как имя собственное. *Пармой* называли населенные пункты, ср.: поселок и станция Парма на левом берегу Косьвы – притока Камы, бывшие деревни с таким же названием в бассейне Язьвы, впадающей в Вишеру, и на левом берегу Котыса – притока Иньвы, впадающей в Каму. Слово *парма* используется в названии многих урочищ, расположенных на возвышенности и поросших густым, обычно хвойным, лесом: *Осиновая Парма*

между рекой Южной Кельтмой, впадающей в Каму, и ее притоком Лопьей; *Ямжачная Парма* между Ямжачем и Кисурьей – левыми притоками Колвы. Несколько названий возвышенностей, покрытых густым лесом, отмечается в бассейне реки Молмыс – правого притока Язьвы, впадающей в Вишеру: *Быстрая Парма* (названа по реке Быстрой, впадающей в Молмыс), *Былинская Парма, Веселая Парма*. Все эти *Пармы* находятся в северной части Пермского края. Однако слово отмечено и в городе Перми, его могли принести сюда еще первые русские переселенцы. Так, в городском микрорайоне Вышка II записано: *Парма – здесь первая возвышенность, затем перевалило* [образовался перевал], *лес там.*

Ну, чем не подходит это слово как основа названия *Пермь*? Тем более, что город Пермь стоит на горах, в прошлом покрытых густым хвойным лесом. И, тем не менее, не подходит! Не позволяют этого фонетические законы языка: в слове *парма* первый звук А (гласный заднего ряда) не мог перейти в звук Е (гласный переднего ряда). И заметьте: всюду в перечисленных и других топонимах сохранялось слово *парма*, но нигде из него не возникало название *пермь*. Так что **неправильным** является утверждение, что название нашего города восходит к слову *парма*. Представление об этом возникло как результат народной (или ложной) этимологии, когда близкие по звучанию слова рассматриваются как связанные родством.

Тем не менее это **неверное** утверждение оказывается в Перми очень стойким. Более того, в 70-е гг. XX в. Пермским туристическим бюро были организованы для экскурсоводов специальные лекции о топонимах Перми. Там слушателей знакомили с реаль-

ной картиной возникновения названия Пермь. Но даже слушатели этих лекций в своей практической работе, т. е. в беседах с туристами, приехавшими в Пермь, иногда говорили, что в основе названия города лежит слово *парма*. Видимо, это поэтичное и простое объяснение оказывается очень удобным, хотя уводит далеко от истины. А где она, истина?

Оказывается, слово *Пермь* живет в русском языке более тысячи лет, т. е. появилось задолго до возникновения нашего города, но в разные эпохи оно называло разные реалии и имело различные значения.

Впервые оно было зафиксировано в летописном памятнике – «Повести временных лет», дошедшей до нас в составе «Лаврентьевской летописи» XIV в. Содержащаяся в ней Начальная летопись, полагают, написана еще в XI в. В ней повествуется и о прошедших задолго до этого временах и событиях. Например, рассказывается (без датировки) об основании Киева, о трех братьях: «*единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив… Седяше* [жил] *Кий на горе, где же ныне увоз* [взвоз, подъем в гору] *Боричев, а Щек седяше на горе, где же ныне зовется Щековица, а Хорив седяше на горе, где же ныне зовется Хоревица. И створиша* [построили] *град во имя брата своего старейшаго и нарекоша имя ему Киев*». Очень близкие сведения – армянский вариант этой легенды – находят в датированной VIII в. «Истории» Зеноба Глака: три брата Куар, Мелтей и Хореан выбрали хорошее место, обильное лесами и зверем, построили три города, и происходило это в земле палуни (ср. название славянского племени, обосновавшегося в районе Киева, – поляне). Видимо, и славянское предание могло возникнуть в тот же пе-

риод. Оно передавалось из поколения в поколение и дошло до летописи.

Очень старыми могли быть и попавшие в летопись сведения о древних восточнославянских племенах (полянах, древлянах, кривичах, радимичах и др.) и их соседях, о которых читаем: «*Суть инии языци, иже дань дають Руси* [Есть другие племена, которые дань дают Руси]: *чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мордва,* ***пермь****, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь. Си суть свой язык имуще…* [У каждого из них свой язык]». Так впервые среди названий различных племен упоминается и слово *пермь*. Рядом со словом *пермь* находим другой этноним (название племени, народа) – *печера*. В древности нередко название земли, основной реки на ней и живущих там племен совпадали. Так и название народа *печера* совпадает с названием реки Печоры, протекающей по востоку современной Республики Коми к северу от Пермского края.

Может быть, и *пермь* располагалась где-то рядом с *печерой*, по соседству? Действительно, как показывают исследования историков и археологов, на реке Печоре и к западу от Печоры, в бассейне реки Вычегды и в верховьях Мезени, проживала *пермь* (*пермь вычегодская*) – предки современных коми-зырян. И первоначально *пермью* называли именно их и только их. В конце XIV в. талантливым русским писателем Епифанием Премудрым было написано замечательное произведение «Житие Стефана Пермского», ставшее исключительно важным источником по истории севера европейской части России.

В нем описана подвижническая жизнь Стефана Пермского, причисленного к лику святых за подвиг в приобщении к христианству пермян (*перми*) и уста-

новление тесной связи *Перми* (*Вычегодской*) с Москвой, за что и было дано ему прозвание Пермский. Он составил пермскую азбуку и перевел на язык пермян священные христианские тексты. В то же время он не только проповедовал православие и противостоял язычникам (их религиозному главе Паму), но и помогал пермянам в голодные годы, приводя из Вологды и Устюга обозы с хлебом. Епифаний Премудрый очень эмоционально, в стиле плетения словес описывает подвиг Стефана в создании пермской азбуки, противопоставляя его создателям греческой азбуки, которую долгое время вырабатывали 70 мужей-мудрецов: «*Пермскую же грамоту един чернец сложил, един составил, един мних, един калогер* [монах], *един инок, Стефан.., един в едино время, а не по многи времена и лета, как они*».

В этом тексте Епифания Премудрого очерчены границы территории той Перми, где действовал Стефан, т. е. Перми XIV в.: «*А се имена местам, и странам, и землям, и язычникам, живущим около Перми: двиняне, устюжане, вилежане, выче(г)жане, пенежане, южане, сырьяне, гайяне, вятчане, лопь, корела, югра, печера, гогуличи* [вогуличи], *самоядь, пертасы,* ***пермь великая, глаголемая Чюсовая***». Здесь по рекам названы русские жители севера (двиняне, жившие по реке Северной Двине, пенежане – по Пинеге, устюжане – по Югу, вилежане – по Виледи и т.д.) и нерусские племена (лопь, корела, югра, печера и др.). Пермь (пермяне) жила по Вычегде и ее притокам (по Выми, Сысоле). Местом пребывания Стефана была Сысола (Усть-Сысольск, сейчас Сыктывкар – столица Республики Коми). Именно по той Вычегодской Перми и получил свое именование Стефан, в Камской Перми (т. е. в современном Пермском крае)

он никогда не был, но начатое им дело – крещение пермян – продолжалось впоследствии в XV в. и в бассейне Камы.

Для исследователей очень важно первое в истории упоминание «*Перми Великой, глаголемой* [называемой] *Чусовою*». Это север современного Пермского края: Гаинский, Чердынский, Косинский районы, части Красновишерского, Соликамского, Усольского районов. Начиная с XIV в. именно Пермью Великой и называли эту часть Руси.

Почему Пермью? Потому что жители ее говорили почти на таком же языке, как уже известная *пермь* в Перми Вычегодской: коми-пермяцкий (в Прикамье) и коми-зырянский (по Вычегде) языки и сейчас очень близкие, а в XIV в. они воспринимались со стороны как один язык.

Почему Великой? По этому поводу есть разные мнения. Историки в основном считают, что она воспринималась как очень большая (*великая*) земля, гораздо бóльшая по территории и плотности населения, чем Пермь Вычегодская. Но кто мерил в XIV в. земли и считал жителей на востоке? Выдающийся русский этимолог О. Н. Трубачев, инициатор и руководитель большой работы по исследованию происхождения славянских слов, главный редактор «Этимологического словаря славянских языков» (вышло уже 38 выпусков словаря), изучив топонимы со словом *великий*, пришел к выводу, что им на Руси характеризовали первоначально далекую и неизведанную или малоизведанную территорию. Эта характеристика очень подходила к Перми Великой (с центром в Чердыни), которая только в 1472 г. официально вошла в состав Русского государства, хотя, как мы уже видели, еще в

XIV в. есть первое упоминание о ней, и, возможно, на Руси знали об этой земле и гораздо раньше.

Путь в Пермь Великую описан в «Житии Стефана Пермского»: «*Не знамо, како из единоя страны истекосте* [вытекли] *две реце, Вычегда и Кама, овы* [одной] *убо воды грядяху на полнощь* [текут на север], *овы ж на полдни* [другой – на юг]». Действительно, русские в древности попадали с Вычегды и ее притоков в близкие к ним притоки Камы, т.е. в Пермь Великую.

Итак, Пермь Великая унаследовала название *Пермь* от другой Перми – Вычегодской. Постепенно название старой Перми исчезает из памятников: ее стали называть Малой Пермью и Пермцей. А употребление названия Пермь Великая привело к тому, что тоже постепенно уже просто Пермью стали называть территорию севера современного Пермского края, откуда и пошло название всей Пермской губернии и ее центра – губернского города Перми.

Вместе с тем, выяснив, как попало название *Пермь* в Прикамье, мы еще не установили, как возникло само слово *пермь*, какова его этимология, т. е. происхождение. Было множество попыток сделать это, и различные гипотезы в разное время выдвигались историками, географами, лингвистами, фольклористами, краеведами. Были решения, не выдерживающие критики, например, географа Н. И. Шишкина. Он предполагал, что слово *пермь* явилось результатом сложения названий двух племен: одно из них (*емь*) шло на восток, другое (*пер*) с Печоры на запад. Они столкнулись и смешались в бассейне Вычегды, и от соединения их названий (*пер* и *емь*) возник этноним *пермь*. Исторически эта гипотеза недоказуема.

Фольклористы (например, Л. С. Грибова) связывали название Пермь с именем фольклорного коми-пермяцкого богатыря по имени Пера. Но другие фольклористы, в частности М. Н. Ожегова, специально изучавшие коми-пермяцкий эпос, считали легенду о Пере-богатыре возникшей относительно поздно, когда слово *пермь* уже существовало.

В XVIII–XIX вв. весьма устойчивым оказалось предположение о связи Перми с некоей Биармией (Beormas), которая упоминается в древних скандинавских сагах как Биармланд – земля на востоке от Скандинавии, где течет река Вина (видимо, Северная Двина), и куда приходили викинги за мехами и серебром. Эта легенда даже оставила след в топонимии города Перми: современная улица имени В. Г. Плеханова называлась в прошлом Биармской. Иногда ее старое название пытаются возродить и в наши дни.

Идею о Биармии как основе названия *пермь* предложил в начале XVIII в. шведский ученый Страленберг. Будучи офицером в армии Карла XII, Страленберг во время Полтавской битвы 1709 г. попал в плен к русским, был сослан в Сибирь, в Тобольск, побывал он и на севере Пермского края. Узнав в России о Перми, он сопоставил это название с известной ему по скандинавским сагам Биармией. Полагают, что в основе сведений в сагах были такие сообщения, как записанный английским королем Альфредом Великим (еще в IX в.) рассказ норвежца Отера о пути в страну Беормас, к устью одной из рек Севера (Вины). Обратите внимание на дату, она может быть косвенным доказательством существования уже в IX в. слова *пермь*. Страленберг предположил, что название Пермь явилось результатом заимствования из гер-

манских языков (ср. английское *berm, brim* ‘берег, край’). И эту гипотезу многие историки XVIII в. и позднее (в течение следующих двух веков) рассматривали как наиболее реальную. Однако, скорее всего, не слово Пермь пришло из германского языка, а, наоборот, приходившие за мехами викинги познакомились на Руси с названием Пермь, но несколько изменили его, приспосабливая к своему, германскому языку, объясняя его семантику (значение) с опорой на свой язык.

Эта гипотеза периодически возрождалась. Воспоминание о Биармии появлялось и в конце XX в. Так, когда в Перми возник клуб книголюбов, то на первом заседании некоторые участники хотели дать ему название «Биармия» (видя в этом что-то из пермской древности, опираясь на старую литературу, полагая его основой названия края и города Перми и уж, конечно, улицы Биармской). Но стоило ли возрождать старую гипотезу, когда появилась новая, более убедительная? И книголюбы от называния клуба Биармией отказались.

Возвращаются к старой гипотезе и сейчас, в XXI в.: одни, возрождая память о некоей Биармии, создают новый миф о Перми, чтобы усилить связи Пермского края с западноевропейскими странами; другие объявляют о существовании в VIII–IX вв. на территории Пермского края сильного мусульманского государства под названием Биармия. Все это делается из политических и прагматических соображений и по существу не имеет никакого отношения к происхождению названия Пермь.

Не стоит утомлять читателей перечислением многих предположений о возникновении слова Пермь, остановимся на той гипотезе, которая на дан-

ном этапе развития этимологии представляется наиболее убедительной: основа слова *пермь* восходит не к германским, а к какому-то из финских языков.

Она появилась у исследователей еще в конце XIX в., но была научно обоснована и оформлена в 1947 г. выдающимся финно-угроведом, профессором Санкт-Петербургского (тогда Ленинградского) университета Д. В. Бубрихом. Эту гипотезу как наиболее доказуемую приняли многие ученые разных специальностей. В Пермском крае она излагалась в книгах и лекциях ученицей Д. В. Бубриха, подготовившей под его руководством и защитившей кандидатскую диссертацию о пермской топонимии, – А. С. Кривощековой-Гантман. Многие годы, работая доцентом Пермского педагогического института, она организовывала экспедиции по сбору топонимического материала в Коми-Пермяцком округе, в Кировской области (на месте проживания зюздинских коми-пермяков), продолжала изучать географические названия финно-угорского происхождения и оставила лучшие исследования по этой топонимии в Пермском крае.

Гипотеза же о происхождении слова *пермь* заключается в следующем. Поблизости от племени новгородских словен жили племена финноязычной летописной *веси* (предков современных вепсов – народа в Ленинградской области). По-видимому, весь и какие-то близкие ей по языку племена занимали территорию от Ладожского и Онежского озер на западе до Белозерья на востоке. Далее на востоке, «в Заволочье» (т. е. за волоком через реку Двину), на Вычегде, находилась, по их представлениям, *pera maa* ‘задняя, дальняя земля’, т. е. окраина (из слов *pera* ‘задняя’ *maa* ‘земля’), на которой жили племена,

говорившие на другом (не вепсском) языке. Это были предки современных коми-зырян. Название земли коми-зырян у вепсов распространилось и на живший там народ, который тоже называли *pera taa*.

Славяне постоянно соприкасались с жившими рядом финноязычными народами. В новгородских берестяных грамотах (первую из них обнаружили в 1951 г.) рядом с именами славян (древнерусских людей) упоминаются нерусские имена, ср.: «*В прошлом году у Гювиева сына... севилокшане 8 человек взяли товара на 5 рублей и лодку; На тех же Коневых водах у Мундуя Вармина взяли десять лендом* [мера веса] *рыбы*». Гювий, Мундуй, Иголаи, Леинуи, Муномел и другие имена различных финских языков записаны в грамотах рядом с русскими. Уже жители древнего Новгорода могли слышать от носителей таких имен о дальней земле, на которой живет *pera taa*. Кроме того, новгородцы стали рано осваивать северные земли, на которых они тоже слышали о такой земле и народе, а затем и соприкоснулись с ним. Так что вепсский этноним (название народа) *pera taa* мог рано попасть к русским.

Но в древнерусском языке заимствование изменилось в соответствии с особенностями древнерусской фонетики и грамматики и превратилось в русское слово. В древнерусском языке существовала модель этнонимов, оканчивающихся на Ь: *чюдь, весь, водь, черемись, ямь, корсь, либь*. По аналогии с такими названиями из *pera taa* был образован древнерусский этноним *пермь,* что и отразилось в Начальной летописи. Впрочем, в живой речи мы слышим иногда и другое произношение (в русском языке *перемь*, а в коми языках, куда слово попало из русского, – *перым* и *перим*), более близкое к источнику.

В русском языке развились на основе этнонима новые слова: *пермский, пермин – пермяне, пермяк – пермяки*). От топонима *Пермь* (*Пермь Великая*) возникли и другие слова: *пермитин – пермичи*. *Пермитин* не этноним, это название человека по месту прежнего проживания, ср. *москвитин – москвичи* (жители Москвы), *тверитин – тверичи* (жители Твери). Впоследствии форма единственного числа изменилась под влиянием множественного (из *москвичи* выросла форма *москвич*). Пермитин в памятниках XVI–XVIII вв. – это житель Перми Великой и ее главного города – Чердыни независимо от его национальности, а формой множественного числа было слово *пермичи*.

Именно из русского языка слова *пермь*, *пермяк* пришли в язык камских коми, которых русские стали называть *пермяками* (по топониму Пермь) или *коми-пермяками*. Самоназвание этого народа – *коми* ‘люди’.

Таким образом, слово *Пермь* проделало долгий путь в русском языке: заимствованное от вепсов (из *pera maa*), оно приспособилось к русскому языку (*пермь*), называло сначала землю в бассейне Вычегды и проживавшие на ней племена предков современных коми-зырян (*пермь*; *Пермь Вычегодская*), а затем им стали именовать землю и родственные племена в бассейне Верхней Камы, т. е. место проживания коми-пермяков (*пермь*; *Пермь Великая*). Постепенно земли на Вычегде стали называть Малой Пермью, Пермцей, а затем их название с корнем *перм-* выходит из употребления. Оно стало активным в топониме Пермь Великая, называвшем Верхнее Прикамье. Далее исчезает определение в топониме *Пермь Великая,* но остается название *Пермь* – для бассейна

Верхней Камы. Оно распространяется и на бассейн Средней Камы, т. е. охватывает весь Пермский край. В конце XVIII в. оно дало название обширному *Пермскому наместничеству*, затем *Пермской губернии* и, наконец, центральному городу этой территории – *Перми*.

В 1940 г. городу было присвоено имя *Молотов*, по партийной фамилии наркома иностранных дел В. М. Молотова (Скрябина). Это был искусственный топоним, в речи жителей особенно старшего и среднего поколений обычно сохранялось старое название. Да и в официальном языке топоним Молотов продержался относительно недолго, в 1956 г. городу вернули его исконное именование – Пермь.

Оно легло в основу ряда современных и старых городских топонимов – названий территорий железнодорожных станций и вокзалов, расположенных на них. Сначала была построена около речных причалов на Каме станция Пермь (теперь это Пермь I), от которой отходили поезда по направлению к Чусовой и далее на восток к поселениям у рудников и горных заводов. Но цифра I в этом топониме возникла не сразу, а лишь после появления названия другой станции в городе – Перми II, на месте станции Заимка, через которую проходила железная дорога из Москвы в Сибирь.

Еще одно название с корнем -*перм*- – гидроним Пермянка, именующий речку, вытекавшую из болота, на месте которого сейчас расположен сквер Уральских Добровольцев. Сама речка течет в настоящее время вдоль Слудки, но уже под землей, под улицей Петропавловской (Коммунистической) и эспланадой. В прошлом на территории эспланады размещались огороды жителей домов по улице Ленина.

Гидроним Пермянка образован по модели «корень от названия территории или населенного пункта на ней + формант -*янка*». Ср.: Муллы (Верхние Муллы, Нижние Муллы) – речки Нижняя Мулянка, Верхняя Мулянка. Ранее в памятниках письменности XVII в. они назывались Мулловками.

КАМА

Географические названия нередко не просто материал для изучения. Многие из них называют места, которые исследователь топонимии хорошо представляет, так как проходил или проезжал по ним, жил там какое-то время в командировках, на отдыхе, а иногда видел их с низко летящего самолета. Но есть среди топонимов и такие наименования географических реалий, с которыми связана вся его жизнь. Таким для меня было и остается название главной реки Пермского края – Кама.

Слово Кама прозвучало в нашей семье, когда мне было пять лет. Тогда стало известно, что мы переезжаем в город Пермь и папа будет работать на Каме. Что такое Кама, было непонятно. Мне объясняли, что это большая река. И в семейном архиве сохранилось воспоминание о том, что я поняла это по-своему: «Мы поедем в город, где Волга называется Камой». Название Волга я, уроженка Саратова, хорошо знала, но воспринимала его как слово нарицательное: Волга – это просто ‘большая река’ (а ‘большая река’ – это Волга). Запомним такое детское восприятие названия реки, оно нам еще послужит при выяснении происхождения слова Кама.

Молодому жителю Прикамья сейчас трудно представить, какой полвека тому назад была Кама ниже Соликамска и Березников. Не существовало водохранилищ, река во многих местах летом очень мелела, возникали трудности в проводке судов. Так, по Частинской воложке пароход буквально пробирался, прокрадывался около крутого правого берега, до которого, казалось, можно с палубы легко дотянуться рукой. А слева была широкая гладь реки и много ост-

ровов (в народном произношении это – «частЫе острова», отсюда и название близкого села – ЧастЫе). Но отклониться влево нельзя: там опасные мели, фарватер (судоходная часть русла) здесь был очень узким.

Чтобы Кама и ее притоки стали глубокими и удобными для речного транспорта, трудилось много людей. Во время навигации у речников была практически круглосуточная работа. Она была особенно необходима во время Великой Отечественной войны, когда пароходы уходили на Волгу, в Сталинград: они везли военные грузы. А после войны по Каме шли бесконечные плоты: нужно было много леса для восстановления разрушенных предприятий и жилых домов. И ночью постоянно светились окна на верхнем этаже здания на углу улиц Монастырской (Орджоникидзе) и 25-го Октября, где тогда находилось Камское бассейновое управление пути – БУП: работал селектор, осуществлялась одновременная связь со всем бассейном Камы, с ее крупными судоходными притоками – Белой, Вишерой, Вяткой.

Среди речников был и мой отец – инженер-путеец Николай Алексеевич Попов, работавший и днем, и поздним вечером. Летом я любила провожать его по вечерам на работу. Иногда мне разрешали через диспетчерскую БУПа выйти на обращенный к Каме балкон 3 этажа и давали большой бинокль. Как интересно было наблюдать за рекой! В то время (40-е гг. XX в.) не только пассажирские, но и грузовые причалы находились у центра Перми, и по Каме все время что-то проплывало: шли большие и маленькие пароходы, лодки и катера, буксиры вели баржи и длинные плоты.

После войны детей речников иногда отправляли на отдых в лагерь, располагавшийся на старом пароходе, стоявшем у берега. На нем ели, спали, скрывались от дождя, но основное время проводили на берегу: играли, купались, ходили за ягодами, а по вечерам разжигали большой костер. Так, в 1945 г. пароход «Надежда Крупская» с детским лагерем долгое время был причален у деревни Шемети, неподалеку от Хохловки. Иногда для старших детей организовывали отдых иначе – им отдавали какую-то часть кают на рейсовых судах (в ту пору не было туристических теплоходов). В 1949 г. старшеклассники путешествовали на пароходе вместе с другими пассажирами до Астрахани и именно тогда побывали в разрушенном Сталинграде, где были уже восстановлены предприятия, но жилые дома еще не построили, люди жили в сохранившихся подвалах или на полуразрушенных нижних этажах. Запомнился адрес дома, написанный белой краской на большом проржавленном листе кровельного железа, который закрывал жилую часть подвала, – «ул. Ленина, дом № 2». И вместе с тем жизнь в городе била ключом, даже действовал цирк-шапито со львами знаменитой дрессировщицы Ирины Бугримовой.

Многое в жизни было связано с Камой, об этом можно написать отдельную книгу воспоминаний, но это когда-нибудь потом. А сейчас о реке и о происхождении ее названия.

Широкая и полноводная в Пермском крае, река Кама начинается с маленького ключа у деревни Кулиги в Удмуртии, недалеко от станции Кез. По протяженности это шестая река в Европе, и до спрямления русла в результате постройки гидроэлектростанций и создания водохранилищ ее длина составляла

около 2000 км (ныне 1805 км). Кама протекает по Удмуртии, Кировской области, Башкортостану, Татарстану, но более половины пути проходит по Пермскому краю, расположенному в бассейне ее верхнего и среднего течения. Здесь в Каму впадают такие крупные реки, как Коса (229 км), Вишера (415 км) с ее притоком Колвой (460 км), Яйва (304 км), Иньва (256 км), Косьва (283 км), Обва (247 км), Чусовая (592 км) с притоком Сылвой (493 км). Географы отмечают, что в крае насчитывается более 30 тысяч рек (притоков Камы, их притоков и т. д.) и все они отдают свои воды этой большой реке.

На протяжении долгой истории в бассейне Камы проживали различные народы, и жизнь их всегда была связана с рекой. В прошлом именно реки были главными путями передвижения, и не только летом, но и зимой, к тому же зимой они легко связывали противоположные берега. Река поила людей и животных, она давала рыбу, в реке вымачивали лен, коноплю и луб, чтобы затем использовать их в хозяйстве. По реке сплавляли срубленный лес для солеварения и строительства. Река крутила мельничные, а затем и другие производственные колеса. Уже более полстолетия река Кама – великая труженица – дает большое количество электроэнергии, без которой невозможна современная жизнь. С Камой, хотя это на первый взгляд и не всегда заметно, тесно связана жизнь и небольших деревень, и крупных городов края.

Кажется, что река вечно одинаково, спокойно несет свои воды и ничто в ней не меняется. Но, как дочь речника, я с детства хорошо знала, что это не так. Весной говорили, что «Кама пошла» (т. е. вскрылась, пошел лед) сначала у Чистополя, затем у Сара-

пула, потом у Осы и наконец у Перми. Весь город выходил на высокий и крутой берег, в Козий загон (ныне сад им. Решетникова) или к собору (Художественной галерее), чтобы смотреть на ледоход – символ весны, обновления, радости. До начала 60-х гг. прошлого века в Перми у крутого левого берега Камы еще не была построена современная набережная с металлической решеткой. Тогда можно было спуститься к самой глади реки, постоять около набегавших к ногам волн с ледяным крошевом, увидеть совсем близко, как величественно и медленно проплывают большие льдины, и почувствовать запах речной свежести.

Но для речников это было время больших забот. Только кажется, что река зимой спит: за зиму Кама намывала новые мели, и надо было срочно выявить их и убрать, обозначить судоходный путь красными и белыми бакенами, между которыми проходили суда, оснастить его створами – особыми знаками на берегах, указывающими верный путь, «вычерпать» землечерпалками, «высосать» земснарядами намытый лишний песок и гальку. И все время, пока река не «вставала», путейцам приходилось постоянно и очень внимательно следить за ее норовом.

В жизни Камы две очень разные эпохи. Одна – до постройки Камской, Воткинской и Нижне-Камской ГЭС, тогда пели о крутых берегах реки («Кама, Кама, Камушка, крутые берега»). Другая – с середины 50-х гг. прошлого века, когда пустили первую на реке – Камскую гидроэлектростанцию. Пермь и все города, села, деревни выше плотины готовились к этому событию. Камское водохранилище должно было затопить большую территорию, с нее переселяли людей, передвигали предприятия, на ней

вырубали лес. Городская молодежь, студенты пермских вузов выходили на субботники по очистке от строительного мусора шлюзов, по которым должны были пойти суда. Со дна шлюзы казались очень глубокими.

Строительство гидроэлектростанций и создание крупных водохранилищ не только существенно изменило жизнь в Прикамье, но и привело к некоторым изменениям в топонимии: с одной стороны, в живой речи и в деловом и профессиональных языках появились новые названия (например, КамГЭС), с другой стороны, постепенно исчезали из разговорной речи географические названия затопленных мест, о которых мы знаем теперь лишь по воспоминаниям старожилов да по старым картам и лоциям. Если в 1950–70 гг. прошлого века в диалектологических экспедициях еще можно было услышать от живущих по берегам Камы и ее притоков существовавшие раньше названия ушедших под воду мест, то позднее они были забыты.

Для жителей Пермского края Кама – основная река. Но о ней знают и жители других регионов хотя бы по школьному курсу географии: на карте эта водная артерия на востоке Европы напоминает большой знак вопроса, что нередко подчеркивают учителя. Да и сама Кама задавала и задает немало вопросов исследователям из разных областей науки. Ждут ответа и на вопрос о том, как и когда возникло название этой реки, какое племя, какой народ, носители какого языка дали ей имя? Жители Прикамья иногда объясняют его происхождение с помощью различных легенд; ученые раскрывают тайны этого названия, используя материалы и методы ономатологии (или ономастики) – науки о географических именах соб-

ственных, а также других наук – лингвистики, археологии, истории, географии.

Гидроним (т. е. название реки) Кама появляется в русских летописях во второй половине XII в. в описаниях отношений русских княжеств с Волжско-Камской Булгарией (Болгарией) – государством на территории современного Татарстана. Булгария стремилась подчинить себе земли по среднему и верхнему течению Камы, а также по реке Вычегде, на которой жили предки современных коми-зырян, и на Русском Севере. Чтобы защититься от нее, в 1157 г. новгородские ушкуйники совершили набег на булгарский город Бряхимов «на реце на Каме». В 1177 г. дружина владимиро-суздальских князей через земли волжских булгар вышла к низовьям Камы. В 1173 г. великий князь Всеволод Большое Гнездо заложил на высоком берегу в устье реки Юг (в бассейне Северной Двины) городок Гляден, около которого в 1212 г. строится город Усть-Юг (Великий Устюг). Его сын Юрий подчиняет своему влиянию земли по рекам Северной Двине, Вычегде, Сухоне и Югу, ограничивая власть новгородцев и противостоя стремящимся туда булгарам.

Волжские булгары пытались препятствовать созданию русских центров на подступах к Северному и Среднему Уралу. Так, в 1218–1219 гг. они совершили два набега на Устюг. Однако в 1220 г. войско владимиро-суздальского князя вышло «*из Устьюга*» на верхнюю Каму, спустилось до ее устья и «*взяста на ней много градков*». Историки отмечают, что этот поход сдержал продвижение булгар в Прикамье.

Отмечена Кама в ее верхнем течении и в связи с упоминанием Перми Великой в замечательном памятнике конца XIV в. – «Житии Стефана Пермско-

го», созданном Епифанием Премудрым: «*Река же... именем Кама. Си убо обходящиа и проходящиа всю землю Пермьскую, сквозь ню, по ней же мнози языцы* [народы] *седять*».

Во всех ранних записях и далее в русской письменности и в живой русской речи эта река именуется только Камой. Вместе с тем проживавшие в ее бассейне в разное время различные племена и народы (в основном носители финно-угорских и тюркских языков) называли Каму или отдельные ее части своими именами. Зафиксированы такие наименования реки, как удмуртское Кам-Шур, чувашское Шура-Атал (Шуре-Адел), башкирское Ак-Идель (Агизель), татарское (казанское) Ак-Идил и татарское Чулман (и Чулман-Идель), марийское Чолман и Чолман-Вис. Но окончательно утверждается в топонимии название Кама.

В последние полтора столетия появилось немало гипотез происхождения гидронима Кама, среди которых есть интересные предположения, основанные на языковых и исторических фактах. Однако часть гипотез подвергнута справедливой критике и не принимается современной наукой.

Так, одним из первых возникло предположение о том, что в основе названия лежит слово *камы* – древнерусская форма именительного падежа слова *камень* (им. п. *камы*, род. п. – *камене*, дат. п. – *камени*...). Имя реки связывали с названием каменистого участка русла или со старым русским именованием Уральских гор – Камень. Однако и до Камня (Уральских гор) здесь не близко, и вряд ли Кама, в бассейне которой с древности жили разные народы, могла получить в далеком прошлом русское название, так как

русские на ней появились относительно поздно. И в языковом отношении эта гипотеза слабо обоснована.

Нереальной историкам языка представляется и другое предположение, в соответствии с которым имя реки восходит к древнему коми названию Камва, которое абсолютно нигде (ни в памятниках письменности, ни в живой речи) не зафиксировано. Эта гипотеза основана на аналогии с распространенными в Прикамье гидронимами Ласьва, Мойва, Обва, Сылва и другими, в которых суффикс (формант) -*ва* возник из нарицательного коми слова *ва* ‘вода, река’. И первая часть этих гидронимов в большинстве случаев восходит к коми словам: *лас* / *лась* ‘низинный луг’, *об* ‘сугроб’, *сыл* ‘талый’, *сюзь* ‘филин’ (Ласьва – ‘луговая река’, Обва – ‘сугробная река’, Сылва – ‘талая река’, Сюзьва – ‘река рода Сюзя’).

Автор этой гипотезы пермский краевед конца XIX в. В. Н. Шишонко считал, что в основе названия лежит коми слово *кам* ‘стук, бряк’, а название реки он расшифровывает как ‘река с сильным падением’ (т. е. вода, падая, «стучит, шумит, брякает»). Однако для такой этимологии нет ни лингвистических, ни других оснований. Все названия рек на -*ва* сохранили этот формант, и он не должен был исчезнуть, если бы существовало слово Камва. Но такого слова не было. Специалист по коми-пермяцкому языкознанию А. С. Кривощекова-Гантман обращала внимание на употребление звукоподражательного слова *кам* только в сочетании с глаголами, оно не могло сочетаться с существительным (со словом *ва* ‘вода’). Наконец, Кама – большая, основная река края – уже в глубокой древности могла быть известна разным народам и получить название от какого-то из них, возможно,

еще до формирования в бассейне верхней и средней Камы коми-пермяцкой народности.

На этой гипотезе не стоило бы останавливаться так подробно, если бы не одно обстоятельство. Она вдруг появилась вновь (правда, не в научных работах) и с совершенно иным обоснованием. В Перми организовали проведение ежегодного этнографического фестиваля (дело хорошее!), который очень неудачно назвали именем Камва. Сообщение о происхождении этого названия прозвучало по пермскому радио перед началом фестиваля, который, по словам его устроителей, назван по древнему имени реки Камва и должен объединять народы, живущие в Прикамье, рассказывать об их прошлом. А река, по утверждению авторов передачи, получила название по именованию человека Кам (то ли древнего шамана, то ли героя эпоса).

Действительно, *кам* – древнее слово, называвшее шамана в тюркских языках. Оно могло быть заимствовано другими народами, проживавшими в крае, однако крупные реки обычно не получали названий по именованию человека. Удивляет не только попытка связать древнюю историю народов Прикамья с сомнительными фактами, но и другое: с одной стороны, организаторы фестиваля пытаются показать древность пребывания здесь угроязычных предков манси и ханты. С другой, они опираются не на угорский, а на пермский (коми-пермяцкий) географический термин *ва* и часть *кам* неясного происхождения в названии реки.

Наверное, гораздо лучше прозвучало бы название фестиваля «Кама» – реальный гидроним, который широко известен всей России и действительно объединяет многие народы края и прилегающих к

нему территорий. Оно больше соответствовало бы и гипотезе (далеко не бесспорной) организаторов фестиваля об изначальном пребывании в Прикамье угров до пермских племен (предков коми-пермяков). И просветительские цели фестиваля были бы скорее достигнуты: не было бы противопоставления его названия нашей истории.

Какое же предположение (или предположения) о возникновении названия главной реки Пермского края имеет более надежное основание? Ученые называют обычно две наиболее реальные гипотезы, каждая из которых имеет свои доказательства.

Авторы одной из них связывают название реки с угорским (хантыйским) словом *кам* ‘чистый, прозрачный’. Древние угры оставили топонимические следы на западном склоне Урала, например, названия многих уральских рек (ср.: Акчим, Вёлс, Улс, Язь). Проживавшие в Прикамье русские в прошлом обычно называли носителей угорских языков (предков манси и ханты) вогулами, а реки, в бассейне которых они обитали, – Вогулками. В Пермском крае протекает несколько Вогулок – притоков Еловки (бассейн Колвы – притока Вишеры), Косьвы, Няра, Яйвы, Сылвы. Угорские названия встречаются не только на левобережье Камы, относительно близком к Уральским горам, но и на правобережье, например, угорским по происхождению является название деревни Пелым в Коми-Пермяцком округе. Конечно, древние угры знали Каму и, возможно, могли дать ей (или ее части) название с корнем *кам*.

В качестве одного из доказательств рассматривается семантика слова *кам* – ‘прозрачный, чистый’ в хантыйском (угорском) языке. Это значение было близким значению слова *белый*: река с прозрачной,

чистой водой – белая река. Название крупного левого притока Камы – реки Белой, текущей по Башкортостану, могло в прошлом звучать в угорском языке как Кам ‘чистая, прозрачная, белая’, в переводе на башкирский (тюркский) – Ак ‘белая’ и в сочетании со словом *изель* (*идель*) ‘река’ – Агизель ‘белая река’. Русские же перевели название Агизель на свой язык как Белая.

Это было вполне возможно, так как в этнической истории башкир участвовали не только различные тюркские, но и угорские племена, которые могли дать название *Кам*. Белыми называли реки разные народы. Например, название Волги, по мнению некоторых топонимистов, дано каким-то финноязычным народом как *валкеа* ‘белая’. Из этого слова в результате фонетических изменений в русском языке и возникло название Волга.

В древности у жителей Прикамья было свое представление о мире, о земле: гидроним Агизель (Акидель) ‘белая река’ у тюрков был общим названием большой единой водной артерии – реки Белой, части Камы (от устья Белой до устья Камы) и Волги вниз от устья Камы. Такое представление возникло естественно, так как коренной левый берег Камы, не прерываясь, продолжается далее как коренной левый берег Волги, и река вниз от устья Камы воспринималась как прямое ее продолжение (а не Волги).

Существуют старые (XV–XVI вв.), еще весьма неточные карты, на которых, например, Пермь Великая (Чердынь) отмечается на Вычегде, а не на Колве, в бассейне Камы. На них передается и старое представление о Каме и Белой: Кама является продолжением реки Белой. Так, Кама, отмеченная на «Чертеже Московских земель» 1497 г. и на «Карте Московии

Антония Дженкинсона» 1562 г., никак не связана с Пермью Великой. На этих картах прорисована только нижняя (по течению) часть Камы, являющаяся продолжением Белой, т. е. Белая и Кама (вернее ее часть) воспринимались как одна река. А в основе ее названия сторонники угорского происхождения гидронима Кама видят хантыйское слово *кам* ‘чистый, прозрачный’. Однако такое название могло быть и относительно поздним.

Есть и другое во многом обоснованное объяснение происхождения слова Кама, в соответствии с которым название реки могло появиться значительно раньше, чем по угорской гипотезе. Оно напоминает о восприятии именования большой реки ребенком. Для ребенка название как имя собственное неактуально: он видит реку и слышит от окружающих, что это Волга (или Кама, или Ока и т. д.). И это слово, которое он слышит, для него значит просто ‘река’ (не ‘речка’ или ‘ручей’, а именно ‘река’). Ему еще не надо отличать Каму от Невы, Волги, Днепра и других больших рек, он их не видит. Название реки – для него термин, апеллятив, слово нарицательное. Помните выше: «Мы поедем жить в город, где Волга [т. е. река] называется Камой?» И древний человек, когда выходил к реке, о названии которой он не знал, называл ее просто словом *река* на своем языке.

А затем о реке узнавали новые люди, говорившие на другом языке. Но они уже слышали от предшественников ее название и усваивали его как имя собственное, по-своему изменяли его произношение, а иногда присоединяли к нему свои слова (чаще свое слово в значении ‘река’), ср.: Москва-река.

Гидронимия (т. е. названия рек) свидетельствует о том, что многие именования возникли из терми-

нов разных языков в значении ‘река’. Есть ли что-то, что объединяет названия Дунай, Днестр, Днепр, Дон? Есть: они именуют реки, впадающие в Черное море или в связанное с ним Азовское море. Но есть и другое – общие части слова: первые два согласных звука у них одинаковы: Д и Н. Между ними могут быть разные гласные (У или О) или гласные могут отсутствовать, но все эти гидронимы имеют общее происхождение, они образованы от древнеиранского слова, называвшего реку. В осетинском (иранском) языке есть географический термин *дон* ‘река’. Такое или близкое к нему в древности слово и стало основой названий рек, данных ираноязычными племенами, проживавшими на побережье Черного и Азовского морей (скифами, сарматами или другими народами).

Есть подобные случаи и на территории Прикамья. Как минимум шесть пермских рек сейчас имеют одинаковое название Юг: 1) левый приток Камы; 2) левый приток Бабки, впадающей в Сылву – приток Чусовой; 3) левый приток Турки, впадающей в Ирень – приток Сылвы; 4) левый приток Тимшера – притока Южной Кельтмы, впадающей в Каму; 5) правый приток Быстрого Таныпа, впадающего в Белую – приток Камы; 6) Западный Юг и Восточный Юг образуют реку Юг – левый приток Весляны, впадающей в Каму. Откуда такие «южные» названия у рек, текущих на севере, например, в Гайнском и Чердынском районах Пермского края? Есть и еще более северный Юг – река в бассейне Северной Двины. Ответ прост: в древнем общепермском языке существовало слово *юг* (из допермского **joke*) ‘река’, родственное финскому *joki*, хантыйскому *jogen*, марийскому *йогы* (все в значении ‘река, поток’). От слова *юг* сохранился в коми языках как слово нарицательное только термин *ю*

‘река’, а в топонимии старое название Юг продолжает существовать и сейчас.

Похожая ситуация могла быть и при возникновении названия Кама. Помимо пермской Камы, есть небольшие реки с таким же названием в разных местах Урала и Сибири: в Свердловской (в бассейне Тавды), Тюменской (приток Конды) и Новосибирской (приток Оми) областях. Их названия могли быть даны выходцами с пермской Камы, но могли возникнуть и независимо от нее. Существуют похожие гидронимы в Карелии (Кемь), на Русском Севере (Кема и Кьяма), в Республике Коми (Кем или Ком, Кем-Шор), на территории которой есть и названия с элементом *кэм* (Буркэм, Лёккэм). Во всех этих гидронимах представлены одинаковые согласные звуки (К и М). Исследователи названий рек на юге Сибири отмечали на территории Тувы и прилегающей части Алтая около 90 гидронимов с компонентом *кем* (Кем, Беккем, Лёккем, Каракем и др.). Словом Хем (или Кем) тувинцы называли Енисей.

Более того, отмечены нарицательные слова – старое финское *кюми* ‘поток, течение’, а в Бухаре – *кам* ‘полноводный канал’. Исследователи таких названий полагали, что определенное сходство в фонетике и семантике всех гидронимов вызвано существованием их далекого общего корня в значении ‘река’. Он и мог стать основой названия главной реки Пермского края. Но какой народ принес его на берега пермской Камы, окончательно установить пока не представляется возможным. Это могли быть предки современных финно-угров, ведь названия с корнем К*а*М (где *а* – любой гласный звук) распространены на севере европейской и западно-сибирской частей России, где в древности развивались финно-угорские

языки. Но они могли быть заимствованы в далеком прошлом и из других языков. Так, А. П. Дульзон предполагал, что финно-угорское *кем, кам* восходит к индоевропейскому источнику, а исследователь уральской и севернорусской топонимии А. К. Матвеев в своем топонимическом словаре «Географические названия Свердловской области» (2007 г., стр. 89) писал: «Перед нами древний географический термин – обозначение реки, некогда общее для различных языков Евразии. Возможно, что и название Кама происходит из этого источника».

Итак, в соответствии с рассмотренной гипотезой гидроним Кама переводится на современный русский язык просто как ‘река’, он появился в глубокой древности, но пока неизвестно, каким народом был образован. Однако общий путь возникновения многих гидронимов от слов в значении ‘река’ делает предположение о таком происхождении названия главной реки Пермского края достаточно убедительным.

Вместе с тем две последние из рассмотренных нами гипотез (от угорского *кам* ‘чистый, прозрачный’ и от древнего *кам* ‘река’) не объясняют, как и откуда в гидрониме Кама появилось окончание *-а*. Почему множество заимствованных названий рек, оканчивающихся на согласный звук (Акчим, Воч, Очер, Юг), не приобрели нового окончания, а гидроним Кама его получил? А может быть, это не окончание, и часть *-а* каким-то образом входила в основу заимствованного названия?

В связи с этим стоит рассказать еще об одной гипотезе. По мнению замечательного историка Пермского края конца XIX – начала XX в. А. А. Дмитриева, которое поддержала и развила в

конце XX в. лингвист А. С. Кривощекова-Гантман, название реки восходит к сложному слову *комму*. В коми-пермяцком языке *ком* – ‘человек’ (*коми* – ‘люди’), *му* – ‘земля’, а *комму* – ‘земля коми’, ‘земля людей’. Кама течет по земле, где формировалась коми (коми-пермяцкая) народность, потому и получила название Комму. Конечное -у в конце слова произносилось нечетко и под влиянием гидронимов с окончанием -*а* (Нытва, Ласьва, Волга, Вычегда и др.) тоже перешло в -*а*, в результате чего из Комму возникло название Комма, а затем и Кама. С точки зрения истории, с этим, казалось бы, стоит согласиться, но лингвисты отрицают возможность перехода в данном случае звука О в А (*ком* в *кам*). И таким образом, гипотеза оказывается несостоятельной.

Правда, она порождает новое предположение. Название Пермь (из pera maa) пришло к русским из языка древней финноязычной веси (предков современных вепсов), в котором -ma (-maa) ‘земля’. Не участвовала ли древняя весь и в создании гидронима Кама? Ведь она жила не только на обширной территории от Ладожского озера до Белозерья, но заходила и дальше на восток: историки отмечают ее участие в формировании части коми племен (предков коми-зырян) в бассейне Вычегды. Арабские источники X–XIV вв. пишут о народе *вису* (веси), жившем к северу от Волжско-Камской Булгарии, на пути к югре (уграм), от которой вывозили меха в обмен на металлические изделия. Не исключено, что булгарские купцы к югре попадали по Каме и ее притокам.

С глубокой древности существовал путь между притоком Вычегды – Северной Кельтмой и притоком Камы – Южной Кельтмой. Он использовался на протяжении многих столетий, а в XVIII в. здесь даже

был прорыт Северо-Екатерининский канал. Две Кельтмы текут (одна на север, другая на юг) с одной территории, с одной «земли», в названии которой возможна концовка -ma (из maa ‘земля’), от этой земли (Кельтма) они и получили свои названия. Не исключено, что, прибыв с Вычегды, в бассейн Камы, люди воспринимали его как новую территорию, новую maa, по которой текла река Кам. И эту землю могли назвать Кам-ма. В прошлом названия земли, реки на ней и проживавшего там народа нередко совпадали. И, как от вепсов узнали русские о Перми (Вычегодской и Камской), так могли узнать и о том, что далеко на востоке есть Кама (из Камма) – земля, а главное – река Кама на ней.

Конечно, это еще только предположение, которое надо проверять и перепроверять, привлекая для этого все возможные основания: лингвистические, географические, исторические, этнографические и другие. Но это дело ученых. А как же быть человеку, не занимающемуся специальными исследованиями топонимии, но желающему знать, что же означает название Кама и как оно возникло? Пока известно, что название Кама в переводе на современный русский язык – либо просто ‘река’ (из неизвестного очень древнего языка), либо ‘чистая, прозрачная, белая’ (из какого-то угорского языка).

ЕГОШИХА И СТИКС

В центральной части города Перми протекает река Егошиха, впадающая в Каму с левой стороны, недалеко от Речного вокзала. Ее длина – всего около 9 км, на протяжении которых в нее стекают родники и впадают три небольших притока. Один из притоков носит необычное для пермской речи, искусственное наименование – Стикс, взятое из древнегреческой мифологии (Στύξ). Так назвали этот небольшой приток из-за его положения: на мысу между Егошихой и впадающим в нее Стиксом находилось самое старое кладбище поселения на Егошихе, попасть на которое можно было только перейдя через этот приток. Он отделял мир живых от «царства ушедших», как в классической древней мифологии река Стикс, по которой мрачный старец в рубище Харон перевозил души умерших в Аид – подземное царство. В Перми название Стикс могло появиться в XVIII в., его дал просвещенный человек, и такие люди появлялись и работали на Егошихе в это время, преподавали в цифирной школе. Впрочем, есть и легенда о том, что название Стикс дано будущим императором Александром I, посетившим Пермь. Но скорее всего последний оценил остроумие и знания того, кто назвал пермскую речку Стиксом.

Егошиха течет по очень глубокому и в ее нижнем течении широкому оврагу, который в Перми называют Егошихинским логом. В настоящее время его пересекают несколько мостов и широких дамб; по ним идут автобусы, троллейбусы, трамваи, машины; часть реки, заключенная в коллекторы и железобетонные трубы, течет под землей. Ближе к устью пойма застроена производственными корпусами, а выше

северной дамбы она поднялась более чем на 2 м благодаря нанесенным отложениям ила. Все это скрадывает размеры Егошихинского лога, однако и сейчас он кажется очень глубоким, а его склоны (особенно правый) крутыми и неприступными. Каким же неприступным он представлялся в древности! Тем не менее люди обитали здесь уже в глубоком прошлом, о чем свидетельствуют археологи, обнаружившие на Егошихе следы палеолитической стоянки, насчитывающей не менее 15 тысяч лет.

Однако современное название реки в русских памятниках письменности (а других просто не существует) зафиксировано относительно поздно. Первые сведения о русских селениях на Егошихе отмечены в «Переписной книге воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) года» по вотчинам Строгановых, которые занимали в Прикамье громадную территорию: в бассейне Камы и ее притоков от устья Яйвы и Орла-городка вниз до реки Ласьвы (а позднее и ниже по Каме). К ним относился и бассейн Егошихи. В переписной книге Елизарова есть две записи об этой реке, являющиеся самым ранним упоминанием о ней, которое мы уже отмечали выше. Первая характеризует территорию и население вотчины Андрея Семеновича и Дмитрия Андреевича Строгановых: «*Починок на реке Каме и на речке **Егошихе**, а в нем двор Власко Федотов сын Карнаухов*». Вторая описывает часть Петра Федоровича Строганова: «*Починок на реке Каме и на речке **Егошихе**, а в нем крестьян: двор Сергейко Павлов сын Брюханов, у него дети: Климко да Ивашко*».

Жители починка (т. е. начала селения, деревни) обычно были связаны с более крупным населенным пунктом, в котором находилась церковь. Для новых

поселенцев таким центром было «*сельцо Верх-Мулинское*» (современное село Верхние Муллы около города Перми), в нем жили братья переселившегося на Егошиху Власка Федотова сына Карнаухова: Елисейко Федотов сын Карнаухов, Сенька Федотов сын Карнаухов, Ивашко Федотов сын Карнаухов и Никитка Федотов сын Карнаухов. У братьев были уже большие семьи: у Елисейка сыновья Сенька, Конашко, Васька да Мишка; у Сеньки – Сысойко, Парфенко да Левка; у Никитки – Пронька, Филька, Климко да Ларька. Для таких семей необходимо было много земли, но при быстром росте населения ее, видимо, уже тогда не доставало. Поэтому младший брат Власко, у которого, судя по переписной книге, еще не было сыновей, ушел (или его отправили Строгановы) на Егошиху осваивать новый участок.

В более ранней «Писцовой книге Михаила Кайсарова 1623–1624 гг. по Великопермским вотчинам Строгановых» сельцо Верх-Мулинское названо Никольским по находящемуся в нем храму: «*Сельцо Никольское на реке на Каме и на речке на Муловке, а в нем церковь деревяна клецки во имя Николы Чудотворца, а в церкве Божия милосердия образ местной Николы Чудотворца*». В итогах переписи жителей этого населенного пункта в 1624 г. сказано: «*И всего в сельце на Мулах 41 двор крестьянских, да двор пищальнич, да 4 двора бобыльских, а людей* [мужского пола. – *Е. П.*] *67 человек да 7 дворов пустых*». Раз были пустые дворы, значит, возникло русское поселение «*на Муллах*» достаточно давно, видимо, еще в конце XVI в.: дворы были построены, земля освоена, но по каким-то причинам некоторые их основатели исчезали (умирали или уходили в другие места). В писцовой книге упоминаются как жители Никольско-

го братья «*Сенька Федотов сын Корноухов с братьею с Микиткою да с Осипком да с Евсейком*», а Власко, который в 1647 г. живет уже на Егошихе, в 1623 г., видимо, еще не родился или не числился за семьей. В писцовой книге в том же сельце записан отец другого жителя починка на Егошихе – Сергейки Павлова сына Брюханова: «*пищальник Павлик Кузмин сын Брюхан*». Так что документы XVII в. убедительно свидетельствуют о том, что первые жители, упомянутые на Егошихе, происходили из Верхних Муллов.

С таким же названием, как в 1647 г., «*На реке Каме и на речке* ***Егошихе***» починок записан и позднее, в переписной книге 1678 г. Тогда в нем было уже 7 дворов, 4 из которых принадлежали Брюхановым: «*Демка да Яранка Ивановы дети Брюхановы… Ларька Дементьев сын Брюханов… Ивашко Сергиев сын Брюханов*». Из починка выросла деревня, которую по распространенной фамилии называли Брюхановой (Брюхановкой), а с 80-х гг. XVII в. – по основной реке – еще и Егошихой. Совпадение названия реки с именованием расположенного на ней населенного пункта было обычным в Прикамье того времени. В 1723 г. на реке по инициативе и при участии Василия Никитича Татищева был открыт государственный Егошихинский медеплавильный завод, а рядом вырос заводской поселок, который стал основой города Перми, учрежденного указом Екатерины II в 1780 г. в качестве центра Пермского наместничества (будущей Пермской губернии).

Все эти изменения в названии поселения никак не сказались на гидрониме, он сохранился в том виде, в каком был впервые зафиксирован в переписной книге 1647 г., – *Егошиха*. Но когда и как возник этот

гидроним, памятники письменности не сообщают, и установить это (точно или гипотетически) можно только в результате его лингвистического анализа.

Изучение названия Егошиха целесообразно начинать с конца слова, с суффикса *-иха*, что должно помочь установить и происхождение корня гидронима, и время его появления. Этот суффикс в пермских памятниках письменности XVII в. встречается в различных видах имен собственных. С этим суффиксом в живой речи могли образовывать именование женщины по имени или прозвищу мужа (т. е. андроним), именование реки (гидроним), именование населенного пункта (ойконим), название хозяйственного угодья. Кроме того, в прошлом существовали мужские некалендарные имена или прозвища на *-иха*. Посмотрим, как каждый из этих видов названий выглядел в Прикамье в прошлом, когда могло возникнуть название Егошиха.

В памятниках письменности встречаются лишь единичные мужские именования с этим суффиксом и только в документах второй половины XVI в. (более ранние пермские тексты до нас не дошли): «*Жилец Пыскора Леонтей Клочиха*», «*Погост Анисимов на реке Кемзеле… а в нем… беспашенный крестьянин Микитка Опалиха*». Они явились основой фамилий с концовкой *-ихин*, например: «*Беспашенный крестьянин Камского Усолья Андрюшка Клочихин*», «*В Камском Усолье… Калинка Иванов сын Опалихин*».

Именования женщин, на *-иха*, а именно андронимы, в деловых документах были тоже достаточно редкими, но все-таки отмечаются в пермских текстах с XVII в. В прошлом они, как и в настоящее время, были характерны для разговорной речи. В текстах документов, которые их составители обычно стара-

лись отредактировать в соответствии с нормами делового языка, их заменяли официальными именованиями. Так, в кунгурских судебных актах писцы, записывая показания свидетелей, обычно передавали их подлинные слова. Поэтому в показаниях людей, записанных с их слов, зафиксированы именования на -*иха*: «*Терешиха, сказывала ему, Калинке, что де она толкнула, Марьица, и она де вподлинник жеребенка затонула в воду*». Но в приговоре по этому делу составитель текста использовал не слово на -*иха*, характерное для устной речи, а полное официальное именование без прозвища: «*Марья Сергеева дочь Терентьева жена Исакова*». И оказывается, что упомянутая *Терешиха* была женой *Терентия* Исакова и получила свое прозвище (андроним) по его имени.

В русской устной речи образовывали андронимы на -*иха* даже от нерусских имен. Так, допрашиваемый человек говорил: «*Будучи в Кунгурском уезде в деревне Баркине в татарах, у татарки у вдовы Апасихи, а имя ей опаметовал* [забыл]». И писец записал именование так, как его произнесли – *Апасиха*. Но в официальной части документа, в приговоре, записан принятый в русском деловом языке сложный антропоним: «*Апасевская жена Баташева вдова Алтынычка Тойгилдина дочь*». Таким образом, выясняется, что Апасиха получила прозвище по имени мужа Апасия.

Несмотря на обычное употребление андронимов на -*иха* в устной речи, они все-таки иногда «пробивались» даже в официальные писцовые и переписные книги, в которых обычно хорошо выдержаны нормы делового языка: «*В Чердыни… вдова Стефанидка Кузмичиха*», «*В Чердыни… вдова Марьица Корячиха*», «*Чердынского погоста Анисимова на речке*

Кемзеле вдова попадья Каптелиница Давыдиха», «*В городе Чердыни… место пустое дворовое вдовы Ефросиньицы Киселихи*». В переписные документы попадали только именования вдов, на которых ложилась обязанность платить подати, числившиеся за их умершими мужьями. Вдовы в этих случаях записывались как главы семей.

В пермских говорах и городском просторечии прозвища женщин на *-иха* употреблялись на протяжении четырех столетий и бытуют сейчас. Возможно, в Прикамье они сменили употреблявшиеся ранее именования женщин, образованные из притяжательных прилагательных от имени или прозвища мужа, как это наблюдается в текстах других регионов.

В написанных древнерусским литературным языком летописях и в бытовых текстах – новгородских берестяных грамотах – женщин называли андронимами в форме притяжательных прилагательных, образованных от именования мужа. В Ипатьевской летописи читаем: «*Умерла Яновая именем Марья*». Кто такая Яновая? Оказывается, есть текст, из которого ясно, что это «*Марья*, *жена Яна*». В Новгородской летописи упоминаются *Полюжая – жена Полюда*, *Завижая – жена Завида*. В новгородских берестяных грамотах упоминаются *Радоковая – жена Радка*, *Ярошковая* (*Ярошковея*) *– жена Ярошки*, *Якуновая – жена Якуна* и другие: «*У Ярошковеи 9, у Завида 7 векош и резана*» (*векша, резана, гривна, куна* – названия денежных единиц), «*У попадьи у Павловеи 7 гривен*», «*5 гривен 8 кун отдай Волотковеи*».

Число таких андронимов в новгородских берестяных грамотах было значительным. Среди них есть образования от мужских календарных имен (ср.: *Давыжая* из имени *Давыд*, *Гюрьгевая* из *Гюргий*) и не-

календарных (*Надеиковая* из имени *Надейко*, *Путковая* из *Путко*, *Теховая* из *Тех*). Сменившие их именования на -*иха* появились в памятниках письменности лишь в конце XVI в., но были еще довольно редкими даже в XVII в.

Прямых указаний на то, что древнерусские андронимы употреблялись ранее в Прикамье, пока не найдено, но некоторые косвенные данные существуют. Так, в документах разных лет упоминается один и тот же земельный участок, который был «*черчен Степаном Пихтовой бабы мужем*». *Чертить* значило ‘сводить лес под пашню’, *подчерчивая* деревья, т. е. подрубая кору, сдирая ее, чтобы высушить и выжечь деревья на участке и удобрить почву пеплом. В Прикамье существовало подсечно-огневое земледелие, и *чертежом* здесь называли участок, на котором *чертили лес*. Такое название попадает даже в писцовую книгу 1623–1624 гг.: «*Чертеж против Березова острова над Камою, а подчерчиван вязник и осинник и всякой лес, а черчен тот чертеж Степанком Пихтовой бабы мужем*».

О какой Пихтовой бабе идет речь в этом тексте? В прошлом в Прикамье употреблялись мужские некалендарные имена и прозвища, образованные от названий деревьев: *Береза*, *Вольха*, *Ива*, *Липа*, *Ракита*, *Сосна*. Их можно восстановить по пермским фамилиям, образованным от таких именований, например: «*В Усолье Камском Филька Иванов сын Березин*» (из имени Береза), «*Беспашенный крестьянин погоста Янидор Офонка Дмитриев сын Вольхин*» и т. д. Существовало и имя *Пихта*. Вероятно, в прошлом владел упоминаемым в документах участком *Пихта*, а его жену называли *Пихтовой бабой*. Он исчез (скончался или ушел), участок остался за ней

(*чертеж… Пихтовой бабы*), а чертил его второй муж *Пихтовой бабы* – Степан (Степанко). Должно быть, название участка возникло задолго до того, как попало в пермские тексты, скорее всего в XVI в., когда старые андронимы (*Пихтовая*) уже разрушаются, исчезают. О разрушении андронима в данном случае свидетельствует употребление в его составе слова *баба* – просторечного и диалектного ‘жена’, обычно отсутствовавшего в официальных именованиях. И древние прозвания женщин по мужу сменяются новыми (на -*иха*), что и отмечается в деловых текстах.

Складывающиеся в Прикамье женские прозвания на -*иха* не имели прямого отношения к изучаемому названию реки Егошиха. Однако суффикс оказался в русском языке очень продуктивным и проник в топонимию: в памятниках письменности зафиксированы названия починков и деревень, небольших рек и хозяйственных участков: полей, покосов, лугов, получивших названия на -*иха*. Появление и развитие в России географических названий с этим суффиксом было изучено и описано историком языка Ю. С. Азарх. По ее мнению, они появились на территории Новгородской земли во второй половине XV в., бóльшая часть ранних топонимов на -*иха* в новгородских писцовых книгах XV–XVI вв. восходит к словам нарицательным и к мужским прозвищам, но затем растет число образований от мужских календарных имен. Названия населенных пунктов, образованные от мужских антропонимов, обычно возникали от имен первопоселенцев, владельцев земли. Постепенно начинается движение топонимов на -*иха* на восток. В XVII в. отдельные названия попадали в переписные книги Нижегородской земли, Прикамья, с XVIII в. – Сибири, бассейна Средней Оби.

Однако их движение от Новгорода шло не только на восток, о чем писала Ю. С. Азарх, но и на Русский Север, о чем свидетельствует район названий на *-иха,* в XX в. охватывающий значительную территорию – бассейны Северной Двины, Сухоны и Юга. Именно оттуда в конце XVI – начале XVII в. переселяющиеся в Прикамье крестьяне и принесли обычай давать топонимы на *-иха*. Он был поддержан впоследствии и движением с запада в частности, в результате прихода старообрядцев из Верхнего Поволжья и с Вятки, но это уже с конца XVII в.

Рассматривая русскую топонимию Пермского края в писцовых книгах 1623 г. и переписных книгах 1647 г., историк В. А. Оборин обнаружил 8 названий на *-иха*: 4 гидронима (*Болотиха, Омельяниха, Обросиха, Шумиха*), 2 ойконима (деревни *Попчиха* и *Кропачиха*) и 2 названия сенокосных угодий (пожни *Корелиха* и *Савиха*). Они охарактеризованы исследователем как весьма редкие на фоне других топонимов.

Проведенное далее исследование географических названий на *-иха* по материалам других пермских памятников XVI–XVII вв. позволило несколько дополнить данные В. А. Оборина, а сопоставление топонимии той эпохи с пермскими материалами XVIII–XX вв. дало возможность выявить их источники и время появления в Прикамье, а также пути распространения в Пермском крае.

Первый пермский топоним на *-иха – Глотиха –* был зафиксирован в писцовой книге 1579 г. в районе Усолья Камского (ныне Соликамский район): «*Сена на реке на Каме и в Глотихе и в прорыве шестьдесят копен*», «*Сена на реке на Каме на Боровой да в Глотихе тритцеть семь копен… сена на речке на Глотихе да на Боровой пятдесят копен*». Он повторяет-

ся затем в XVII в., например, в писцовой книге 1623 г.: «*Сена по реке по Каме в Глотихе 60 копен*», «*С Медветкова болотца что за Глотихою*». Топоним на -*иха* называл и речку, и сенокосный участок (урочище, луг), примыкающий к ней (сено «*в Глотихе*», конечно, на участке, а не в речке).

У этого топонима могли быть разные источники. Участок могли назвать по его владельцу, имевшему некалендарное имя или прозвище *Глот* из слова *глот*, характеризовавшего обжору или жадного, завистливого человека. Такое именование употреблялось в России XVI–XVII вв. и, в частности, в Прикамье, где дало фамилию *Глотов*: «*В Чердыни... вдова Дарьица Михайловская жена Глотова*». По участку получила название и река. В таком случае мы имеем дело с топонимом на -*иха,* образованным от именования человека.

Однако в топонимию могли перенести нарицательное слово *глотиха* ‘черемуха обыкновенная’, зафиксированное в ярославских, тверских, владимирских диалектах в XIX–XX вв. и, видимо, существовавшее в северно-русских говорах ранее. Оно характеризовало либо участок по растительности на нем (или около него), либо речку по зарослям черемухи (*глотихи*) на ее берегах. В этом случае в названии нет топонимического суффикса -*иха*, так как именование не образовывали от слова нарицательного с помощью суффикса, а просто целиком сделали его именем собственным. Но географические названия на -*иха*, зафиксированные в Пермском крае в XVII в., появились не в результате такого усвоения слов нарицательных. Их создавали с суффиксом -*иха* преимущественно от некалендарных имен или прозвищ первопоселенцев либо владельцев угодий.

На севере Пермского края, в Чердынской земле и Соли Камской, где в XIV–XVI вв. формировались самые ранние русские говоры и русская часть топонимии Прикамья, даже в XVII в. топонимы на *-иха* в деловой письменности были очень редкими, хотя и отмечались как названия участков земли, ср.: «*А мне Наталие з детми досталась земля туто же на дуброве с полуденную сторону в межах с Коробихою*», т. е. с участком под названием Коробиха.

Они еще не зафиксированы в бассейне Средней и Верхней Вишеры, хотя русским издавна был хорошо известен путь по этой реке за Урал и многие береговые ориентиры – камни (скалистые береговые горы) на ней в XVII в. имели уже устойчивые русские названия (*гора Писаная, гора Сторожевая, гора Дироватая* и др.). Лишь с XVIII–XIX вв. в связи с освоением земель по Средней и Верхней Вишере там тоже возникают русские гидронимы, а также отдельные ойконимы на *-иха*, ср.: реки *Вижаиха, Верхняя Золотиха, Средняя Золотиха, Нижняя Золотиха, Верхняя Паниха, Нижняя Паниха, Долганиха, Дыроватиха, Кондратиха, Мошиха, Петелиха, Петруниха, Рониха, Тундриха, Северная Мутиха, Южная Мутиха, Акуниха (Якуниха), Романиха, Большая Романиха, Малая Романиха*, деревня *Романиха*.

С XVIII в. появляются микротопонимы на *-иха* по всему Чердынскому району. В записях материалов для диалектного словаря северных говоров Пермского края в XX в. зафиксированы названия полей, лугов, полян, гарей, логов, маленьких речек, небольших озер, обычно возникших на месте старого русла реки) и других объектов с суффиксом *-иха*, например: «*Поле Зо́рчиха называтся*» (Еранино), «*У каждой бригады было урочище, и оно имело название. То – Дубо́во,*

Бакы□риха» (Рябинино), «*Луга назывались Орли□ха, потом Су□слиха, Гага́риха*» (Вильгорт), «*У нас поле там на этом, на лугах-то, на Сафро́нихе*» (Бондюг), «*Потом еще луг Калети́ха*» (Чердынь), «*Гора́лиха, Песко□во, Прота́сиха – ето гари*» (Бигичи), «*Лога в деревне: была Па́лиха, Шуха́ниха*» (Бондюг), «*Мы жили на Сумыче, там Иванчи́ха есь, мы косить ходили, место называется Иванчи́ха*» (Рябинино), «*Песте□риха – речка. Хутора по ней*» (Керчевский), «*Да́ниха, Ковы□риха – озера. Ето озеро – Ю□диха*» (Покча). Однако такие микротопонимы в чердынские памятники XVI–XVII вв. обычно еще не попадали.

Основная территория появления в Прикамье топонимов на -*иха* в XVII–XVIII вв. – бассейны Очера, Чусовой и территория современного города Перми и Пермского района, ср.: деревня *Кропачиха* на речке Поповке, починок *Попчиха* в бассейне Чусовой, река *Егошиха* – приток Камы. В то время эти земли входили в состав вотчин именитых людей Строгановых, стремившихся заселять и укреплять свои владения. Постоянное переселение Строгановыми крестьян на новые места способствовало распространению топонимов на -*иха*. В конце XVI в. был основан Очерский острожек (ныне село Острожка на Очере), под защитой которого возникали новые земельные участки, обрабатываемые переселявшимися сюда русскими. Активно осваивались Строгановыми и земли по берегам рек Верхняя Мулянка и Нижняя Мулянка («на Муллах»), а также примыкающая к ним территория современного города Перми. В итоге, в XVII–XX вв. на этих территориях распространились топонимы на -*иха* ср.: в бассейне Очера – урочища *Билимбаиха, Гуриха, Мизгириха*, речки *Ворониха, Горбатиха, Горюхалиха, Кропачиха, Лариха, Тулум-*

баиха, Чепурниха, Шавриха, речки и леса *Дубасиха, Самсониха*, лог *Русиха* и др., на территории Перми и Пермского района речки *Батуиха, Данилиха, Егошиха, Косотуриха, Мотовилиха, Сарабаиха, Шугуриха* и т. д.

Возникавшие в живой речи топонимы на *-иха*, называвшие участки земли по имени или прозвищу крестьянин, за которыми они были закреплены, оказывались очень устойчивыми. Так, в 60-е гг. XVII в. на маленьком притоке Очера в 2–3 км от Очерского городка записана деревня Горюхалиха, название которой исследователи связывают с именованием человека Харюхало (Горюхало), упомянутого в писцовой книге Кайсарова 1623–1624 гг.: «*Городок деревянной рубленой, что был Очерский острожек на реке на Очере… двор Артюшка Иванов сын **Харюхало***». Видимо, территория, на которой он хозяйствовал, и протекавшая там речка в народе получили название Гарюхалиха (Горюхалиха). В последующей переписной книге 1647 г. нет никаких следов этого человека или его детей. Вместе с тем в документах 1629 г. на севере записан «*Ортюга **Горюхало** сольвычегодский крестьянин*». Совпадение имени (Артюшка и Ортюга – неполные имена от полного календарного Артемий) и прозвища двух разных людей могло быть чистой случайностью. Однако, если учесть, что Строгановы были владельцами земель и солеварен не только в Прикамье, но и в Соли Вычегодской, а на территории, относящейся к Очерскому острожу, жили переселенцы с Вычегды (например: «*Пантелейко Васильев сын Безсонов Вычегжанин*»), то не исключено, что Горюхало и Харюхало – одно и то же лицо. В этом случае, хотя сам он ушел с Очера, народное название принадлежавшей ему там земли и речки на ней со-

хранялось, а затем было перенесено и на возникшее здесь поселение – деревня Горюхалиха.

Итак, топонимы на -*иха* в XVII в. возникали как названия **земли**, используемой с хозяйственной целью, и отражали **принадлежность** ее определенному человеку, точно так же, как женские прозвища на -*иха* отражали **принадлежность** жены мужу. Именно значение **принадлежности** конкретному лицу привносил суффикс -*иха* в топоним. Название всего участка переносилось на все расположенные на нем объекты: реку, луг, лес, поселение. Чаще всего совпадали названия участка и реки, текущей по нему, так как она была самым надежным ориентиром на местности: река не меняла свое положение, по ней передвигались, перемещали грузы, на ее берегу создавали поселение, нередко носившее то же название. В нем могла сохраняться память о владельце участка или первопоселенце на реке.

Нередко в писцовых и переписных книгах отражаются не именования хозяев починков, а имена прежних владельцев территории, использовавших ее для посева или как сенокосное угодье, возможно и проживавших здесь. Так, в 1623 г. существовал «*починок Костариха а в нем Дружинка Филиппов с братьею с Пятункою да с Тимошкою*». Но человек с некалендарным именем или прозвищем *Костарь*, от которого возникло географическое название, не значится в книгах. Чаще всего так и происходило: когда на уже известном, получившем ранее название участке (и реке) появлялся новый хозяин (*Дружинка Филиппов*), сохранялось старое название участка, реки и поселения (*Костариха*).

Подобная ситуация, скорее всего, отражается и в происхождении гидронима *Егошиха*. Основой этого

географического названия является слово *Егоша*, причем ударение в топониме *Егошúха* могло возникнуть только в том случае, если ударение в основе именования человека падало на последний слог – *Егошá*. Так ли это и можно ли найти в пермских памятниках письменности этого *Егошу*? И действительно ли название реки восходит к антропониму – имени человека?

Следует отметить, что существует несколько гипотез образования основы слова Егошиха. По одной из них, оно восходит к коми-пермяцким словам *яг* и *ош* (*яг* ‘лес, бор’ и *ош* ‘медведь’) и имело значение ‘медвежий бор’. Автор этой гипотезы учитывал исторические данные: на территории Перми и окрестностей звучал коми язык. Здесь существуют памятники ананьинской (VIII–IV вв. до н. э.) и гляденовской (III в. до н. э. – V в. н. э.) культур, представители которых говорили на диалекте или диалектах общепермского языка (предке коми-пермяцкого языка) и могли оставить следы в пермской топонимии.

Но он не учитывал данные памятников письменности и языкознания. Во-первых, в документах XVII–XVIII вв., написанных в Пермском крае, название реки зафиксировано только в форме Егошиха (не Ягошиха), а завода – Егошихинский завод, например, в текстах, хранящихся в Государственном архиве Пермского края: «*Контора Егошихинского медеплавильного завода. Список о мастеровых за майскую треть 1734 г.*», «*Книга долговая состоящим разным казенным и исцовым долгам и доимкам 1745 года… Егошихинской казначейской конторы*».

Правда, в текстах с середины XVIII в. появляется и написание Ягошиха и Ягошихинский завод, возможно, не без влияния В. Н. Татищева, уроженца

Псковской земли, в речи жителей которой существовало аканье, неразличение безударных гласных. В написанном им «Лексиконе» – первом русском энциклопедическом словаре – отмечены все открытые им уральские заводы и поселения и представлено упоминание о нем самом как их основателе. Туда не могли не попасть сведения о созданном им заводе на Егошихе. Но «Лексикон» не был окончен, он написан по алфавиту от «*А*» до слова «*ключник*». Если бы Татищев писал «*Егошиха*», то упоминание о реке и о заводе попало бы в словарь. Но, скорее всего, он воспринимал название как «*Ягошиха*», и словарная статья на это слово должна была оказаться в конце «Лексикона». В форме Ягошиха в XVIII в. топоним стал проникать и в собственно пермские тексты. Разнобой в его написании продолжается до настоящего времени, хотя исследователи топонимии, знающие старые пермские материалы, употребляют только форму Егошиха.

Во-вторых, не учитывалось, что в сложных словах коми-пермяцкого языка на первом месте стоит определение, на втором – определяемое слов, т. е. *ягош* должно бы значить не ‘медвежий бор’, а ‘боровой медведь’, гидронимов такого типа в пермской топонимии нет. И ударение в названии реки в этом случае должно было быть другим. Таким образом, гипотеза об основе *ягош* несостоятельна.

Существовало и мнение о том, что в основе топонима лежит неполное имя *Его□ша* от русского полного *Егор* из календарного имени *Георгий*. Неполная форма *Егоша* в России употреблялась на протяжении многих веков, отмечается в словарях и дала фамилию *Егошин*. Однако топоним от *Его□ша* звучал бы как *Его□шиха*, чего в исследуемом слове не

было и нет. Так что и это предположение не подтверждается.

Наиболее убедительной является гипотеза об образовании топонима от прозвища или некалендарного имени *Егошá*, которое могло возникнуть из слова *егошá*, видимо, звучавшего в прошлом в русской речи. Параллельно со словами *егози□ть, егоза□* в разных русских говорах существовали родственные им слова *егоши□ть, егоша□*. Глагол *егозить* и существительное *егоза* закрепились как общерусские просторечные слова, а глагол *егоши□ть* ‘не сидеть спокойно на месте; вертеться, суетиться’ остался словом диалектным, отмеченным на Русском Севере. Есть диалектизм *егоши□ться* – в архангельских и вятских говорах. В архангельских говорах употреблялось также существительное *егоши□ло*.

В материалах диалектологических экспедиций, диалектных словарях и других источниках Пермского края нарицательное слово *егоша□* не зафиксировано. Но есть некоторые следы его употребления в Прикамье в прошлом – слова *егоршá* ‘беспокойный, слишком подвижный и непоседливый человек’ и *егорши□ть* ‘быть слишком подвижным, непоседливым; егозить’. Они сохранили старое значение и ударение, но приобрели новую форму под влиянием распространенного имени Егор.

Итак, в прошлом существовало нарицательное слово *егошá*, давшее прозвище *Егошá*. И оно зафиксировано в деревне Нижние Муллы в писцовой книге 1623–1624 гг.: «*Крестьянин Васька Дмитриев сын* ***Егоша*** *с детьми с Бориском да с Ивашком да с Родивонком*». Упоминание сыновей (были, наверное, и дочери, но их не записывали в переписных документах) говорит о том, что отмечен в книге уже не юный

человек. Какую роль в его сложном именовании играло слово Егоша, было ли оно его прозвищем или некалендарным именем, употреблявшимся наряду с календарным (христианским) Васька (из Василий)?

Чтобы понять, какую роль играет именование Егоша в XVII в., надо исследовать структуру сложных пермских именований (антропонимов). Оказалось, что употреблявшееся в народной речи индивидуальное прозвание человека (его некалендарное имя или прозвище) в переписные документы Прикамья вводилось словом *прозвище* после его календарного (христианского) имени: «*Савка прозвище Пятко Никифоров сын Полыгалов… Фефилко прозвище Нечайко Никифоров сын Полыгалов*». В последнем тексте: *Фефилко* – уменьшительное календарное имя от полного Феофилакт, *Нечайко* – уменьшительное от некалендарного Нечай, *Никифоров сын* – именование по отцу (отчество), *Полыгалов* – семейное именование (формирующаяся фамилия).

Однако некалендарное имя фиксировалось далеко не всегда, и в большей части переписных текстов отмечается только календарное. После имени (календарного и некалендарного) записывалось именование человека по отцу (отчество). Для большей части жителей России, в частности для крестьян, оно было в форме притяжательного прилагательного от имени отца со словом *сын* (*Никифоров сын*) и прозвища отца.

Именование от прозвища отца (например, *Рычко*) могло сохраняться без всяких изменений: «*Кирилко Гаврилов сын Рычко обвенец*», но могло приобрести суффикс притяжательного прилагательного: «*Галахтионко Гаврилов сын Рычков с Обвы*». Этих двух братьев в переписной книге 1647 г. записали по-

разному: *Рычко* и *Рычков*. Прозвище их отца (*Рычко*) становилось семейным именованием, оформленное же суффиксом *-ов* (*-ев*, *-ин*) оно практически превращалось в фамилию (*Рычков*), хотя в XVII в. такие антропонимы с суффиксами называли по привычке тоже только *прозвищами*. Таким образом, в этот период трехчленное именование (их большинство в переписных текстах) состояло из имени записываемого человека (например, *Кирилко*), прилагательного от имени его отца со словом *сын* (*Гаврилов* сын) и прозвища отца без изменений (*Рычко*) или оформленного суффиксом притяжательного прилагательного (*Рычков*). Но даже записанное без суффикса в конце сложного антропонима прозвище (*Рычко*) становилось семейным именованием, т. е. было первым шагом к будущей фамилии.

Опираясь на результаты исследования структуры сложного именования жителя деревни Нижние Муллы «*Васька Дмитриев сын* ***Егоша***», определяем: 1) Васька был сыном Дмитрия по прозванию *Егоша*. 2) *Егоша*□ – некалендарное имя или прозвище отца Васьки (Василия). 3) Василий, как мы уже видели, в 1623–1624 гг. имел сыновей и был человеком взрослым; скорее всего, старше 30 лет, т.е. родился еще в конце XVI в., судя по антропонимам, у Дмитрия, имевшего некалендарное имя или прозвище *Егоша*. 4) Дмитрий Егоша□, которого в живой речи называли просто *Егоша*□, в конце XVI – первой четверти XVII в. мог иметь свое хозяйство, землю для заготовки сена и выращивания урожая, которую другие люди могли знать как Егошиху, т. е. участок Егоши□. 5) *Егошихой* с конца XVI в. стали называть не только территорию, но и ее главный ориентир – реку. 6) Других жителей территории Муллы, к которой отно-

силась Егошиха, с прозвищем Егоша□ или именем Егор и Его□ша (неполное от Егор) в писцовой книге 1623–1624 гг. не обнаружено.

Так что пермский гидроним Егошиха, скорее всего, возник от прозвища крестьянина Строгановской вотчины Дмитрия Егоши□. Затем по какой-то причине на относившейся к нему территории, на реке Егошихе, поселились отмеченные уже в переписной книге 1647 г. Карноуховы (Корноуховы) и Брюхановы. Но прежнее название территории и протекавшей по ней реки уже закрепилось, оно сохранилось и дожило до нашего времени. Название реки Егошихи существует уже более 4 столетий.

Прозвище *Егоша□* могло оставить и другой след в топонимии территории Муллы; правда, трудно установить точно, где именно. В писцовой книге 1623–1624 гг. к обширной территории Муллы отнесен починок «*Егошино на речке на Молебне*», в котором проживал крестьянин «*Микитка Дементьев сын Вологжанин с сыном с Елизарком… сена по речке Молебной 25 копен*». Видимо, ранее починок основал человек по прозвищу Егоша□, в таком случае он мог возникнуть в конце XVI – начале XVII в.

Остается выяснить, где был этот починок «*на речке Молебне*». К югу и к востоку от Камы, особенно в бассейне Сылвы, есть места, названные словом *Молебный* и связанные с религиозными обрядами древних жителей Прикамья. Так, в памятниках XVII в. читаем: «*По Сылве-реке вверх до Молебного остяцкого камня*», «*Межа от Молебного врагу* (оврага) *от Шаквы-речки в гору*». Есть в Пермском крае и несколько рек с названием *Молебная*. По мнению историка Е. Н. Шумилова, не исключено, что

такой *Молебной* речкой могла быть Егошиха, на ней и находился починок *Егошин.*

Однако вряд ли это так. Если учитывать название речки *Молебна*(*я*) и место пребывания сына *Егоши*□ в Нижних Муллах, оказывается, что починок Егошино был не на Егошихе. В нескольких километрах от деревни Нижние Муллы и места впадения в Каму реки Нижняя Мулянка, на высоком мысу левого берега, находится один из наиболее богатых памятников древней истории Прикамья – Гляденовское городище. Оно получило название по расположенной рядом деревне Гляденово. Городище, по мнению археологов, возникло в VI в. до н. э. (в ананьинское время) как укрепленное поселение и культовый центр племен, говорящих на прапермском (общепермском) языке, и продолжало существовать на всем протяжении гляденовской культуры (до V в. н. э.), когда из прапермского постепенно выделился коми-пермяцкий язык. Позднее городище использовалось переселившимися в Прикамье угроязычными остяками вплоть до XVII в. На нем в течение многих столетий действовало культовое, обрядовое место – Гляденовское костище, в ходе раскопок которого, проводившихся археологами с конца XIX в., было обнаружено более 20 тысяч вещей (украшений, бронзовых фигурок людей, животных, фантастических существ и других предметов).

Об этом городище есть запись в писцовой книге 1623–1624 гг., где говорится о владениях Андрея и Петра Строгановых: «*Деревня Нижние Мулы на реке на Каме… той Андрееве земле межа речкою межною пониже речки Нижних Мулов, что первая речка впала в реку в Каму подле Городища, что на том Городище стоит часовня… пашни паханые Петровы на*

мысу от речки от останошные, что едучи к Нижним Мулам по мулинской дороге, а та речка пала в Нижние Мулы (в Нижнюю Мулянку), а от тое речки по кряжу до другие речки, что впала в Каму-реку, первая речка подле Городища, смежно с Ондреем, на которой часовня стоит». Разобраться в этой записи непросто, даже имея перед собой географическую карту. Цитата говорит о нескольких речках в районе городища и о православной часовне около него.

Часовня была поставлена в память архимандрита Трифона Вятского, «Житие» которого сообщает о появлении его в начале 70-х гг. XVI в. на Нижней Мулянке. Будучи монахом Пыскорского монастыря (на Верхней Каме, недалеко от Усолья), он на лодке спустился вниз по Каме до устья Нижней Мулянки, «*поднялся по ней до устья другой реки и здесь устроил хижину*». В «Житии» говорится, что место то – «*кладбище остяцкое или паки рещи: жертвище идольское*». В «Житии» говорится, что на городище росла исполинская ель, украшенная приношениями приходивших к ней на мольбище остяков и вогулов. Трифон проповедовал христианство, боролся с язычеством и срубил ель, ибо «*если кто из христиан, не твердый волею, смеялся под деревом, ломал его ветвь или брал что-либо из приношений, с тем случались несчастья, даже смерть*». Значит, в районе Гляденовского городища в 70-х гг. XVI в. жили христиане, обычно русские люди.

Сведения о городище для нас важны, так как говорят о нескольких реках около него и о мольбище, на которое «*от всех стран и рек – с Печоры, Сылвы, Обвы и Тулвы князи их остяцкий Амбалт, вогульский Бебек и инии мнозии языци со всем своими улусы, остяки и вогуличи со всех ловель своих ту во едино*

место съезжахуся». Это было многовековое место молений представителей разных народов и культур (сначала коми, потом угров, далее русских). Одна из рек около городища и могла называться в XVII в. русскими Молебной. Исследователь религиозных представлений остяков И. Ю. Пастушенко считает ею реку ниже Гляденовского городища. В таком случае «починок Егошино на речке Молебне» следует искать поблизости от Нижних Муллов, он не имел отношения к реке Егошихе.

Возможно, *Егоша*□ первоначально жил в районе Нижних Муллов, обрабатывал там какой-то участок, основал на одной из речек у городища (*Молебной*) починок, а впоследствии переселился (или был переселен Строгановыми) и начал осваивать землю на Егошихе, дав ей свое имя.

Итак, мы знаем именование человека (*Дмитрий Егошá*), которое могло стать основой названия реки *Егошихи*, и время, когда мог появиться гидроним (конец XVI – начало XVII в.). Конечно, это гипотеза, но это единственная гипотеза, для которой находим лингвистическое и историческое основание.

Исследование возникновения только одного названия реки современной Перми с учетом лингвистических и исторических материалов дает ряд результатов. Реконструировано диалектное слово *егошá* ‘егоза’, не зафиксированное ни в каких других пермских источниках, определены его истоки (говоры Русского Севера – архангельские), изучена структура сложных именований людей в переписных текстах XVII в., определены время начала употребления топонимов на *-иха* в Прикамье (конец XVI – начало XVII в.) и место их раннего распространения в Прикамье (владения Строгановых в бассейне Очера и на

территории современной Перми), рассмотрен вопрос об общем значении принадлежности у суффикса *-иха* в именах собственных. Все именования с этим суффиксом передавали принадлежность лица или объекта тому, от имени или прозвища кого они образованы: принадлежность жены главе семьи – мужу (прозвища женщин на *-иха*), принадлежность участка, угодья хозяину (топонимы на *-иха*). Общее название угодья (пашни, сенокосного участка, леса) на *-иха* по принадлежности переходило на речку, текущую по нему (появлялся гидроним) и на поселение на нем (возникал ойконим). Топонимы на *-иха* образованы в XVII в. обычно от некалендарных имен и отчеств, так как они возникали в живой речи, а не в официальном, деловом языке, для которого основными были христианские имена.

РАЗГУЛЯЙ

На северо-востоке центральной части современной Перми расположена территория, которую называют топонимом Разгуляй. Восточная сторона современного Разгуляя находится на высоком левом берегу Егошихи, северная сторона тянется по Петропавловской улице и смотрит на Петропавловский собор и левый берег Камы.

Апеллятив *разгуляй* был словом общерусским, по мнению В. И. Даля, «Разгуляй – веселое место, есть кабаки; местность в Москве» (Даль, 4: 26). Однако оно, как видим, проникало и в топонимию, преимущественно в городскую, но также и в сельскую. В «Словаре русских народных говоров» (вып. 33: 318) отмечаются различные значения слова *разгуляй*: ‘тот, кто любит гулять, предаваться увеселениям’, ‘шумное веселье, разгул’ (Смол.), ‘питейный дом, кабак’ (Нижегор.), ‘шутливое название города Астрахани’ (Астрхан.). Все они связаны с глаголами *разгуляться, разгуливаться.*

В Перми в разное время Разгуляем называли различные объекты: первоначально, по мнению некоторых исследователей, озерцо в пойме Егошихи, по которому катались («*разгуливались*») на лодках служащие заводского управления в обеденный перерыв или после работы. Потом, когда после крупного пожара 1759 г. изменился ландшафт горного городка, так стали называть всю примыкавшую в прошлом к озерцу часть левого берега речки Егошихи и площадь на ее верху от улицы Петропавловской (Коммунистической) до Пермской (Кирова). Название Разгуляй сохраняется здесь до настоящего времени, хотя внешний вид и назначение площади постепенно ме-

няются. На площади в разные периоды появлялись сквер, засаженный деревьями и кустами сирени и акации, кабаки, был построен рынок: два длинных ряда столов под навесами, защищавшими продавцов и покупателей от дождей и снега. Сюда приходили продавать продукты жители домов на Егошихе и близлежащих деревень. Покупатели шли в основном из близких кварталов Мотовилихи и центра Перми. Автор данной книги хорошо помнит разгуляйский рынок предвоенных лет (30-х гг. XX в.) и особенно в годы Великой Отечественной войны, когда многие продукты сельского хозяйства (молоко, творог, масло, яйца и др.) в магазинах просто отсутствовали.

Когда Мотовилиха, бывшая в прошлом отдельным населенным пунктом, соединилась с городом Пермью и был проложен трамвайный путь между ними, через Егошиху построили мост, остатки которого видны и в настоящее время. А на Разгуляе было сооружено трамвайное депо и трамвайное кольцо вокруг рынка, используемое и в настоящее время.

В МОТОВИЛИХУ ЧЕРЕЗ ДАНИЛИХУ

Одни географические названия могли порождать другие, а также некоторые обороты городской речи, понятные только жителям Перми. Так, от топонима Пермь были образованы названия двух железнодорожных станций и расположенных на них вокзалов: Пермь I и Пермь II. По городу протекает, правда сейчас уже полностью в трубах под землей, речка Пермянка, но студенты Пермского государственного университета 50-80-х гг. XX в. еще ходили по берегам этой речки, поросшим кустами акации. Пермянка вытекала в далеком прошлом из озерка, а потом из образовавшегося здесь болотца, находившегося на месте нынешнего сквера Уральских Добровольцев. Она текла вдоль Слудки (между Слудкой и эспланадой, под современной Петропавловской улицей) и впадала в реку Данилиху.

В XVIII–XIX вв. в Среднем Прикамье в памятниках письменности зафиксировано несколько гидронимов, оканчивающихся на формант *-янка* (Добрянка, Мулянка). Так, в XVI в. речка на Муллах называлась Мулловкой, а в XVII в. уже писали о Верхней Мулянке и Нижней Мулянке. Верхнемуллинцы, осваивая путь на Егошиху, возможно, по аналогии с Мулянкой и речку в Перми назвали Пермянкой.

Суффикс *-янка* был моложе гидронимического суффикса *-иха*, отмечавшегося в названиях рек Пермского края еще в XVI – начале XVII в., с которым были образованы гидронимы текущих по современной Перми рек Егошиха, Мотовилиха, Данилиха и старые поселения, получившие такие же названия, как реки, на берегах которых они были расположены.

Основателями их были люди с календарными (Данила) или некалендарными именами, или прозвищами: прозвища Егоша из апеллятива *егоша* ‘егоза’, и Мотовило из слова нарицательного *мотовило* ‘вертящееся приспособление для наматывания или разматывания ниток’ давали людям энергичным, подвижным, непоседам.

В пермском просторечии возникло выражение *ехать в Мотовилиху через Данилиху,* т. е. 1) ‘ехать не прямым путем, а с объездами’, 2) ‘делать что-либо очень медленно, непродуктивно’. В 40-е гг. учитель математики в школе, расположенной на углу улиц Пермской (в прошлом имени Кирова) и им. газеты «Звезда», комментируя неудачный, длинный, непрямой путь решения математической задачи, говорил нерадивой ученице: «Ну, поехала в Мотовилиху через Данилиху». Такое выражение могло возникнуть в центральной части Перми, находившейся между Мотовилихой (на востоке от центра) и Данилихой (на западе от центра). Оценка решения задачи как неудачного была точной, правда она предполагала знание слушающими пермской топонимии, а именно того, что Мотовилиха располагалась на востоке (это было известно всем ученикам), а деревня Данилиха за современным Центральным рынком, о чем школьники, живущие и учащиеся в центре Перми, часто не знали. Понимали значение выражения по тону учителя, по ситуации, но не имели ни малейшего представления о том, где именно находилась эта деревня, какие улицы к ней подходят из центра или продолжаются в деревне Данилихе. Такой, например, была Камчатовская улица, находящаяся в Перми между улицами Краснофлотской и Подгорной, рядом с Центральным рынком. Объясняли ее название обычно

тем, что она весьма далека от центра города, «как Камчатка».

Но на самом деле ее название образовано от фамилии проживавших здесь (видимо, еще в XVIII в.) крестьян Камчатовых, и с тех пор не менялось. В ревизской сказке (переписи населения) Перми за 1795 г. в деревне Данилиха (тогда улица Камчатовская, как и территория современного рынка, относилась к этой деревне) упоминаются принадлежащие Строгановым крестьяне Камчатовы Андрей, Артемий, Осип и другие.

Как и когда появилась фамилия Камчатов – загадка. Скорее всего, название улицы образовано от прозвища основателя фамилии – Камчатый, данного красивому или богато, нарядно одетому человеку, либо от фамилии Камчатов, возникшей из этого прозвища. В XVIII в. в речи жителей Прикамья употреблялись слова *камка* (шелковая, цветная, узорчатая ткань) и *камчатый* (изготовленный из камки): «*Два кокошника: один камчатый, другой зеленого китайского атласу*» (1707 г.). Потомки крестьян, купцы Камчатовы, жили впоследствии в разных частях города Перми. Известен большой дом, расположенный на углу улицы Куйбышева (№ 7) и Монастырской. Он в прошлом был построен и принадлежал Камчатовым.

СЛУДКА, СЛУДА

Город Пермь, который сейчас стоит на обоих берегах Камы, долгое время рос на левом высоком, коренном берегу этой реки. От набережной он расширялся к югу, возникавшие переулки шли в гору. Об этом свидетельствуют старые названия улиц, параллельных Каме: Береговая (потом Монастырская и Орджоникидзе, сейчас снова Монастырская), Нижняя (потом Торговая, сейчас Советская), Верхняя (потом Покровская, сейчас Ленина). Однако город рос не только по направлению от Камы, но и вниз по Каме, на запад. И тут ему тоже пришлось взбираться в гору, так как в центральной его части между устьем Егошихи и устьем Данилихи находится высокая береговая гора, вытянувшаяся вдоль реки стеной почти на четыре километра.

В речи жителей города есть разные названия высоких мест: Горки, Вышка I, Вышка II; они тоже выходят на берег Камы, но выше устья Егошихи, к востоку от центра. Есть в Перми и названия, которые постепенно забываются и сейчас известны далеко не всем. Таким оказались слова Слуда или Слудка.

В центральной части города Перми, на высокой береговой горе, с 1849 г. находится Свято-Троицкая церковь, являвшаяся долгое время православным кафедральным собором. Однако в живой речи жителей она обычно называется Слудской церковью, причем люди, не связанные с религией, даже не знают ее официального именования. Подавляющее большинство современных горожан, как правило, не может объяснить и происхождение определения Слудская. Спросили о нем у 200 человек разного возраста и различных профессий (профессоров, инженеров, учи-

телей, рабочих, студентов, продавцов, уборщиц), и оказалось, что лишь несколько опрошенных могли связать его с названием местности – горы Слудка. И это несмотря на то, что в справочной литературе есть указание на место расположения этой церкви – Слудка, или Слудская гора, что в Интернете, например, на фотографии «Вид на Эспланаду с горы Слудка», есть упоминание об этой пермской горе, что о ней пишут в научно-популярных статьях, ср. у В. В. Абашева и А. В. Фирсовой: «…поднявшись от грохочущих трамвайных путей по круто уходящей вверх улице Осинской, мы стоим на высоком камском берегу. Это гора Слудка. Справа виден автодорожный мост и подальше – стройные лазоревые объемы Свято-Троицкого кафедрального собора» (Абашев В., Фирсова А. Берегом Камы от дома Люверс… // Филолог: Научно-методический журнал. 2002. № 1).

И название самой горы Слудка в центральной части города практически не известно современным жителям Перми, хотя многие из них постоянно проезжают вдоль ее подножья на трамвае по Петропавловской улице. В своей речи люди обычно используют не название горы, а другие ориентиры (названия улиц, остановок транспорта). Более того, лица, все-таки знающие название горы, не могут объяснить, как оно появилось, и некоторые полагают, что ее именуют по церкви.

Как же и почему возникло определение Слудская и какова его основа?

В основе слова *слудский* лежит географический термин *слуда*, изучению которого в разных аспектах посвящено немало страниц в работах лингвистов и географов.

СЛУДКА, СЛУДА

В словарях литературного русского языка слово *слуда* ‘высокий гористый берег реки’ присутствует, но с пометой «областное», т. е. употребляющееся не повсеместно, а только в отдельных областях. Семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» так определяет его значение: «*Слуда* – высокий, бугристый, поросший лесом берег большой реки». В небольших словарях оно не отмечается совсем. Однако слово использовалось в художественной литературе при характеристике разных мест России. Так, у писателя П. И. Мельникова-Печерского читаем: «Высокая зеленая *слуда* нагорного берега, отражаясь в прибрежных струях, кажется нескончаемой, ровно смоль черною полосою»; у М. М. Пришвина: «Высокий берег северной реки иногда называется *слудой*». Словом *слуда* пользуются в географической литературе, о чем свидетельствует, например, «Словарь народных географических терминов» Э. М. Мурзаева. Здесь этому слову посвящена большая статья, которая представляет разные значения народных географических терминов *слуда* и *слудка* и образованные от них имена собственные – топонимы, существующие на разных территориях России. Здесь рассматриваются также однокоренные со *слуда* слова *слуд*, *наслуд*, *подслуд*.

Большой материал о слове *слуда* и территории его распространения отмечается «Словаре русских народных говоров». Материалы в нем помещены в алфавитном порядке, вышло из печати уже 45 выпусков словаря, но его составители работают еще только со словами, начинающимися на букву Т. Так что можно представить, каким обширным является это описание русской лексики.

В этом словаре фиксируются омонимы *слуда*, представленные тремя семантическими (т. е. выделенными по значению слов) группами: 1) названиями чего-либо прозрачного, гладкого, скользкого (слюды, стекла, тонкого слоя льда, гололедицы) в говорах новгородских, архангельских, вологодских, пермских; 2) географическими словами нарицательными в разных значениях на широкой северно-русской территории – в говорах архангельских, вологодских, беломорских, вятских, ярославских, петербургских (настоящее исследование пополняет эту группу пермским словом *слуда*); 3) названием блюда – ‘густо приготовленного кушанья из кваса и толокна’ в вятских говорах. Кроме того, словарь содержит ряд однокоренных слов. Среди них омонимы *слудка* двух семантических групп: 1) названия слюды и оконного стекла в архангельских, заонежских, карельских говорах и 2) географические термины в архангельских, вологодских, вятских, пермских и удмуртских говорах. С корнем *слуд-* образованы также другие названия слюды и стекла: *слуденка* (онежский фольклор), *слудинка* и *слудья* (олонецкое), *слудочка* (беломорский фольклор), а также прилагательные *слуденой*, *слуденый*, *слудний*, *слудяной* ‘слюдяной’.

Эти данные дополняются сведениями из диалектных словарей, составленных в разных регионах России. Так, в новгородских говорах зафиксированы слова *слуд* ‘крутой берег реки’ и *слуда* в разных значениях: 1) спрессовавшийся светлый слой песка, 2) крутой берег из известняка, 3) штабель сложенного леса, 4) стопа блинов. В современных вологодских говорах употребляются слова *слуда* и *слудка*. Первое отмечается с семантикой ‘высокий, обрывистый каменистый берег реки’ и ‘пористый камень красного

цвета, используемый для полировки, чистки чего-либо’; второе – в значении ‘возвышенное место, горка’.

Слова *слуда* и *слудка* зафиксированы и в сибирских словарях, но для рассмотрения вопросов их происхождения в Пермском крае важны данные русских европейских говоров, так как они стоят у истоков пермской лексики.

Материалы исторического «Словаря русского языка XI–XVII веков» свидетельствуют о записи в северно-русских памятниках письменности слова *слуда* ‘высокое место, гора; скала, утес’ в XV в. («А к тому селу… пожна от оврашка до *слуды*», двинская грамота), а также об употреблении его далее, в XVI в. («Повелением великого князя… заложиша град на Немецком рубеже на Норове, на Девичии горе, на *слуде,* четвероуголен, и нарече ему имя Иванъградъ»). В этом словаре есть и прилагательное *слудный* ‘скалистый, утесистый’ («Взыди на верх горы *слудныя*»). В текстах церковно-книжного типа языка с XII–XIII вв. употреблялись слова *слудва* («…в *слудвы* въбегнет и врьжет себе с высоты») и *слудвеный* («метины на *слудвеных* живуща горахъ»), а также *слудьба* («Устремися все стадо свиное по *слудьбам* в мори»).

Как омонимы к географическому апеллятиву *слуда* и прилагательному от него в историческом словаре рассматриваются слова *слуда* в значении ‘слюда’ («Надобетъ на церковное и на городовое строение и на башни гвоздей и железа и на окончины *слуды*»), *слудный* («Одиннатцет окончин *слудных*»), *слудяной* ‘сделанный из слюды’ («Фонарь *слудяной* у келаря») и *слудвеный* ‘сделанный из слюды’ («четыре оконницы *слудвеныя* да две стеколчетыя болшия»).

Таким образом, две семантические группы слов (географические апеллятивы и названия слюды), которые отмечаются в говорах XX в., имеют многовековую историю. Судя по словарям, можно предположить, что более ранними, нежели *слуда*, были слово *слудва* и прилагательное от него *слудвеный*. Однако они фиксируются в церковных текстах, а в говорах их сохранилось значительно больше, чем в деловых памятниках, для которых характерно отражение живой речи и употребление в ней слова *слуда*. Так что не исключено, что и оно было тоже древним, но по разным причинам просто не попало в древнерусские тексты.

Все это мы обнаруживаем в текстах лишь с XV в., и трудно сказать что-либо о более глубокой истории слова *слуда*.

Исследующие происхождение слов этимологи не раз пытались установить истоки его образования как географического названия. Так, М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» приводит ряд гипотез различных ученых о происхождении слов *слуда, слудка*, в частности пишет об их связи со словами *слюда*, а также *слуд* ‘наледь, наст’. П. Я. Черных полагал возможным возводить их к индоевропейской основе *k’leu-d- (:*k’lou-d-) ‘делать чистым, прозрачным, промывать’, так как слюда – чистый, прозрачный материал, который добывали в горах. Ср. текст XVII в.: «В тех горах среди твердого камения лежат что поясы, зовома *слюда* предивная и чистая, ту *слюду* тамошние жители, на то искуснии, добывают с великим трудом». Гора в результате метонимии (переноса на соседний объект) могла получить то же название, что и находящийся в ней материал, в результате появилось новое – географическое

– значение слова *слюда*. А далее шло развитие появившегося географического термина. Но если слово *слюда* как название прозрачного материала и прилагательные от него были известны всей Московской Руси и затем России, то географический апеллятив со значением ‘гора’ формировался и употреблялся на относительно ограниченной северно-русской территории, являлся диалектным и продолжает оставаться таковым.

О том, что слова *слуда* и *слюда* (а также *слудка* и *слюдка*) как географические термины в прошлом были абсолютными синонимами, свидетельствуют пермские памятники XVII в. Один и тот же объект иногда в них назван обоими словами: «*А межа тое деревни Красные Слудки с государственными крестьяны Косвинского погоста что была деревня Винигорт на реке Косве вверх ис-под Кормановы слюды а направе против Кормановы слуды починка Корманова дворища*», 1623 г.

Однако слова *слюда* и *слюдка* отмечаются в первой четверти XVII в.: «*Деревня Пермская на слюдке на реке на Очере*», 1614 г., тогда как *слуда* и *слудка* – на протяжении всего XVII в. Их записывали в пермских памятниках гораздо чаще, чем термины *слюда* и *слюдка*: «*Каменье ломать под Абрамовым камнем да по Яйве-реке под слудкою… под Сергиевым камнем*», «*От Патрина городища подле материк и до слудки и с сограми что подле кряж*», «*Пожня Переволока а межа от конец слудки до устья Яйвинского, «Вверх по Кондасу до слудки до черного лесу*», «*Заложили они… вотчину свою… по Сылве-реке выше Барды-реки от перебору горы Мечина от Каменной слуды вверх по Сылве-реке*».

СЛУДКА, СЛУДА

Географический термин *слудка* переходит в топонимы – имена собственные, которые отмечаются в пермских памятниках с XVII в. В переписных актах упоминаются ойконимы: в писцовых книгах 1623 г. – «*починок Слудка на речке на Усолке*» [притоке Яйвы], «*починок Коротаев Слудка тож на реке на Чусовой*», «*деревня Слудка на реке на Ин(ь)ве*», «*слободка Слудка на реке на Каме*», «*деревня Пермская Слудка тож на реке на Очере*», «*пустошь что была деревня Слудка на реке на Очере*», в переписных книгах 1647 г. – «*село Слудка на реке на Каме*», «*деревня Запольская от Слудки*». В пермских документах отмечаются гидронимы *Слудка* – приток Сылвы и приток Северного Тылая, впадающего в Косьву. Как имя собственное стал употребляться и географический термин *слуда*: «*Нижний конец того лугу с наволоком и с истоком до тое ж горы до Слуды*».

В Прикамье образуются топонимы-словосочетания, в которых определение характеризует особенности горы, называемой *слудой* или *слудкой*: *Красная слуда, Красная слудка, Каменная слудка*. Первые два названия отмечаются в разных районах Пермского края, на берегах различных рек: на Колве – «*Пожня вверх по Колве-реке на Ныробской стороне против Красные слуды*», на Косьве – «*А от того починка вниз шесть верст пловучи по Косьве-реке на левой стороне Красная слудка*», на Каме – «*Вниз Камою-рекою до Красной слудки*». Глинистые обрывы береговых гор издали кажутся красными.

Источниками географических апеллятивов *слуда* и *слудка* в русских диалектах Пермского края, формирующихся с XIV–XVI вв., послужили говоры Русского Севера, в основном архангельские и вологодские, так как именно их носители осваивали пер-

воначально север края (современные Гайнский, Чердынский, часть Красновишерского и Соликамский районы). Особенно активно проходила стихийная русская крестьянская колонизация Пермского региона в конце XVI – XVII в. В дошедших до нас пермских документах XVI в., например, в писцовой книге Ивана Яхонтова по Перми Великой 1579 г., постоянно упоминались переселенцы, но называли их просто *приходцами* без обозначения места, с которого они переселились: «*В городе Усолья Камского… Гаврилко приходец… Андрюша приходец*», «*Деревня Нижнее Поле на реке на Яйве… Фомка приходец*». В XVII в. уже обычно указывалось, с какой территории прибыл новый житель. Это делалось разными способами.

Иногда называлась территория (река или большой населенный пункт), на которой ранее проживал человек, и это слово без изменений становилось прозвищем пришельца: «*Бондюжского стана… Ивашка Вага*», «*Деревня Шайтанова… Калинка Иванов сын Варзуга*», «*Орел-городок… Ивашко Карпов сын Вологда*», «*Крестьянин деревни Новое сельцо на реке на Сылве Ивашко Терентьев сын Луза*», «*В слободе Новое Усолье… Васка Мокеев сын прозвище Сия*». Названия северных рек Вага, Варзуга, Вологда, Луза, Сия превратились в прозвища переселенцев.

Чаще использовались катойконимы – названия человека по месту его проживания до переселения в Прикамье: «*Крестьянин слободки Яйва Ивашка Прокопьев сын Белозер*», «*Чердынец Алешка Васильев сын Важеня*», «*В сельце Никольское на речке Муловке… Ивашко Васильев сын Верхолалец*», «*В слободе Новое Усолье… Бориско Елизарьев сын Виляженин*», «*В Чердыни… Афонка Афонасьев сын Вологжанин*», «*В Чусовском Нижнем городке… Павлик Парфенов*

сын Вондокурец», «*В Чердыни… Васка Васильев сын Вычегжанин*», «*В Новом Усолье… Ивашка Иванов сын Потеряха Двинянин*», «*В слободе Новое Усолье… Анашка Иванов сын Заонежанин… Ивашко Мартемьянов сын мясник Каргополец*», «*В Пыскорской монастырской слободке…Васка Давыдов сын Кокшар*», «*В Чердыни… Федотко Микитин сын Колмогорец*», «*Крестьянин деревни выше реки Ус(ь)вы на реке на Чусовой Мосейко Иванов сын Мясников Лалета*», «*Погост Вильгорт на реке на Колве… Меншичко Степанов сын Мезенец*», «*Деревня Сосновка… Никифор Мезеня*», «*Деревня Чудское Городище на реке на Усолке… Гаврилко Денисов сын Моржегорец*», «*Починок Коипт… Якушко Федоров сын Новгородец*», «*В слободе Новое Усолье… Левка Андреев сын Кубасов Пиняженин… Самсон Дмитриев сын Тотьмянин*», «*В Чердыни… Юшка Титов сын Устюжанин*», «*В Новом Усолье… Мишка Юрьев сын Южанин*». Далее от этих именований образовывались прозвищные отчества и затем фамилии (*Белозеров, Важенин, Верхолальцев и Верхоланцев* и т.д.).

Замечательно представлена в прозвищах география Русского Севера: Белое озеро, Заонежье, реки Вага, Вилядь, Вычегда, Двина, Кокшенга, Лала, Мезень, Пинега, Юг, города и села Новгород, Вологда, Тотьма, Каргополь, Холмогоры, Моржегоры, Устюг (Великий).

Конечно, в Пермский край переселялись не только жители Русского Севера, прозвища которых показаны выше в отрывках из текстов документов XVII в. Новые поселенцы приходили и с других территорий: с Вятки, с Волги, из центральных и даже южных районов России того времени, многим из них были знакомы слова *слуда* и *слудка*. Однако самым

ранним и самым массовым было переселение с Русского Севера, где в говорах употреблялись эти слова. Так, слово *слуда* зафиксировано в двинских (Северной Двины) грамотах XVI в., *sluda* – в русско-английском словаре-дневнике, составленном англичанином Ричардом Джемсом 1618–1619 гг. по записям речи в Холмогорах. На севере России в XVII в. отмечается ряд топонимов от слова *слуда*, ср. название архангельской деревни Белая Слуда или деревни Слуда (ныне Большая Слуда) на территории Республики Коми, которая значится в переписи 1646 г.: «*Пустошь что была деревня того ж Зеленца, Слуда тож на реке на Вычегде*».

В переписной книге 1647 г. Прокопия Елизарова по Великопермским вотчинам Строгановых отмечаются жители Орла-городка на реке Каме, переселившиеся в Прикамье из архангельской Белой Слуды: «*В Орле-городке… бобыль Лучка Дмитриев сын Кузнец – Белослудец с Двины… бобыль Степанко Игнатьев сын Рогатово, у него дети: Ивашка, да Андрюшка, да Кирилко, у него ж подворник шурин его Ромашко Лукин сын Шибан, у Ромашки сын Петрушка – все Двиняна с Белыя Слуды*». Такие переселенцы, конечно, несли свою лексику и топонимию в Прикамье. Были прибывшие из Белой Слуды и в других районах Прикамья, о чем свидетельствует фамилия Белослудцев, ср.: «*Крестьянин села Тазовское Федор Белослутцов*». Немало Белослудцевых проживает сейчас в Пермском крае и в городе Перми.

Указание на то, что все упомянутые в пермских документах XVII в. белослудцы прибыли именно с Двины, вероятно, было необходимо, так как тогда были известны и другие Белые Слуды, например, берег на Печоре, ниже устья реки Цильмы. Оттуда так-

же прибывали жители в Прикамье, о чем свидетельствует, например, фамилия Устьцилемов: «*Чердынец Ивашко Устьцилемов*».

Итак, исследуемая лексика, а также топонимия функционировала в Верхнем Прикамье со времени формирования здесь русских говоров и зафиксирована с начала XVII в.

За прошедшие с той поры четыре столетия в ней произошли некоторые изменения. Так, в записях диалектной речи, сделанных во второй половине XX в., в качестве географического термина отмечается преимущественно слово *слуда*, редко – *слудка*, и совсем отсутствуют слова *слюда* и *слюдка,* записанные в Прикамье в XVII в.

Слудой здесь называют высокую гору с крутыми склонами, находящуюся на берегу реки между двумя ее притоками с одной стороны. Этот термин встречается в записях диалектологов, сделанных во время экспедиций: «Слудку [село на реке Каме] так и зовут, на *слуде* потому что», «По Сылве-речке их, *слуд-то*», «*Слуда* резко выделяется на местности, возвышенность такая с лесом, я на *слуду* по грибы часто хожу. *Слуда* – крупная гора, далеко видать». Обычно слуда резко обрывается крутым берегом к реке, и этот берег в пермских говорах тоже получил название *слуда*: «Крутой каменистый берег реки – *слуда*, не подлезешь, не зацепишься», «Песчаный крутой берег *слуда* называется, лес там растет небольшой». В чердынских говорах слово *слуда* отмечено в отличном от других значении – ‘низкая береговая полоса, заливаемая во время половодья’: «*Слуду*-то топит всё, только борчик не топит, на бор-от ты с реки заедешь в курью».

Вместе с тем следует отметить, что географический термин *слуда* весьма редко отмечался в пермских диалектных записях. Он не попал в полный «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», что вполне объяснимо: на Вишере, где расположен Акчим, в ходу другие названия берегов: *камень, чурок* ‘береговая скала’, *степь* ‘возвышенность на водоразделе, поросшая глухим, непроходимым лесом’. Нет слова *слуда* (или *слудка*) и в «Словаре пермских говоров», при сборе материала в различных районах края он не попал в поле зрения диалектологов. Однако апеллятив *слуда* не раз встретился им при специальном сборе материала для словаря географических терминов.

Топонимы, возникшие из нарицательного слова *слуда,* зафиксированы преимущественно в Прикамье в материалах первой половины XX в., ср.: «Бывший починок *Слуда* в Сивинском районе» [в списках населенных мест], «Гора *Городищенская слуда* на правом берегу Язьвы» [в «Словаре географическо-статистическом Чердынского уезда Пермской губернии» И. Я. Кривощекова], «*Медвежья слуда* – кру́ткое место» [в картотеке «Словаря русских говоров севера Пермского края»]. В основном же пермские топонимы образованы от термина *слудка*.

На данный момент карта Пермского края очень изменилась по сравнению со старыми картами, на ней осталось лишь три официальных названия населенных пунктов от слова *слудка* (Слудка – село в Ильинском и деревня в Чернушинском районе, Красная Слудка – село в Добрянском районе), тогда как полвека назад (1963 г.) существовало 5 населенных пунктов Слудка, а также деревни Слудина, Слудино, Дворцовая Слудка, Красная Слудка. Но и к тому вре-

мени уже исчезли некоторые ойконимы, отмечаемые в «Списках населенных мест Пермской губернии» 1908–1909 гг.: село Краснослудское на Чусовой, починок Слудский на реке Уньве, деревня Красная Слудка на Очере и др.

Вместе с тем в микротопонимии – наименованиях небольших природных объектов – обнаруживаются старые названия тянущегося вдоль реки высокого и крутого берега Слуда или Слудка, по которым были номинированы связанные с ними объекты. Так, именование протянувшейся по левому берегу Березовой (притоку Колвы) более чем на 100 м Слуды с крутым обрывом высотой до 8 м дало несколько микротопонимов: речки Слудинка – левого притока Березовой (ее устье выше Слуды), урочища Слудинский Луг, на левом берегу Березовой (выше устья Слудинки), переката Слудинский, начинающегося сразу за Слудой.

К сожалению, многие микротопонимы постепенно уходят из речи населения и забываются, как это происходит в Перми с апеллятивом *слуда* и микротопонимом *Слудка*, использовавшимися в прошлом жителями города. С ними связано название Слудской церкви, о котором мы писали в начале раздела. Этот храм расположен, можно сказать, на классической слуде – горе, тянущейся по левому берегу Камы на протяжении почти четырех километров от устья Егошихи до небольшой речки Медведки (давно убрана в трубу под землей) и далее до устья реки Данилихи. Со стороны Камы склон очень крутой, местами отвесный, подняться на гору от реки (или спуститься к ней) можно было только по специально построенным лестницам. Поэтому в старой Перми

спуски к Каме (например, Осинский спуск) обустраивали.

С противоположной от Камы стороны пермской Слудки также идет крутой склон к речке Пермянке, текущей параллельно Каме (в трубе под землей). Такой спуск с прибрежной горы – тоже признак слуды. По ее верху параллельно Каме проходят три улицы, и ширина ее высокой и ровной части в разных местах – от одного до трех-четырех кварталов. Свято-Троицкая церковь находится по отношению к другим районам Перми высоко, в самой широкой части слуды, от которой и получила название Слудской. Сама же гора в старой, а иногда и в современной литературе называется Слудкой и реже Слудской горой.

ЗАИМКА В ГОРОДЕ ПЕРМИ

Заимкой в Перми называют территорию в западной части города, в Дзержинском районе, на берегу реки Данилихи, где уже 97 лет расположен Пермский государственный университет, ныне в связи с реформой образования именуемый Пермским государственным национальным исследовательским университетом. Ранее территория Заимки представлялась как более значительная по величине, и даже современная главная железнодорожная станция города – Пермь II – долго носила название Заимка.

Уральская железная дорога от Перми до Екатеринбурга создавалась с 1874 г. В 1876 г. поблизости от пристаней был построен первый железнодорожный вокзал Перми, и в 1878 г. началось движение от этого вокзала сначала до Чусовой, а с 1 октября до Екатеринбурга. В начале XX в. сооружались железная дорога из Перми на Вятку (далее на Санкт-Петербург и на Москву), железнодорожный мост через Каму. Станция Заимка переименовывается в станцию «Пермь II», а старый вокзал у пристаней – в вокзал «Пермь I». Реализуется обычная практика железнодорожников использовать нумерацию двух вокзалов с одинаковым названием в одном городе. Эти вокзалы (Пермь I и Пермь II) были соединены железнодорожным путем, идущим по нижней части камского берега Слудки.

На карте Перми, как и других населенных пунктов Прикамья, отмечаются топонимы, образованные от русских географических терминов, звучавших в старину в живой речи на территории края, в частности на месте современного города Перми: *Горки*, *Заозерье*, *Заостровка, Набережная, Слободка*, *Слудка*

и другие. К таковым относится и слово *Заимка*, употреблявшееся и употребляющееся в речи жителей различных регионов России. Оно зафиксировано в словарях современного литературного языка, исторических и диалектных.

Вместе с тем в названии данного раздела книги, казалось бы, заключено противоречие, так как словом *заимка* в русском языке разных эпох и сфер функционирования обычно называли и называют, во-первых, процесс занятия, захвата кем-либо свободного участка земли при первоначальном заселении; во-вторых, сам земельный участок (вне земель общего пользования, например, угодий для выпаса скота, заготовки сена) с жилыми или хозяйственными постройками на нем, занятый кем-либо при первоначальном заселении; в-третьих, небольшой поселок или отдельную усадьбу на Урале и в Сибири. Об этом свидетельствуют академические словари и русского литературного языка, и русских народных говоров.

Название Заимка пришло в топонимию Перми из городской речи, из лексики просторечия жителей, которое формируется с XVIII в. на базе говоров Пермского края, возникших из говоров Русского Севера (в основном архангельских, поморских, вологодских), принесенных переселенцами в северное Прикамье, а затем разошедшихся по всему краю. В то же время на складывающееся просторечие влияла деловая речь грамотных людей того времени, диктующая определенные правила употребления лексики и ономастики, о чем говорят деловые памятники XVIII–XX вв.

В говорах существительное *заимка* характеризовало местность по способу приобретения территории (занятие, захват для использования), оно уходит

своими корнями в историю и связано с однокоренными глаголами *заяти*, *заимати*, *заимети*, *заимовати*, *заимывати*, *заимствовати*, *займовати*, присутствующими в деловых памятниках письменности. В пермских деловых актах слово *заимка* фиксируется с XVII в. в значении ‘захват, занятие какого-либо места для использования’ и с семантикой ‘занятое место’, ср.: «*Навозил я сирота твой в деревне Полетаеве на порозжее дворовое место окладные бревна и он Василей оплот той моей заимки под стену овинную яму выкопал*», 1668 г. Однако в русских говорах развиваются и различные новые значения слова *заимка* в зависимости от того, где и с какой целью захватывался участок земли: отдельная усадьба, промысловая хозяйственная постройка или небольшой поселок за пределами основного селения.

В тайге это мог быть участок для сооружения охотничьей избушки в этом случае *заимкой* называли и саму избушку; на берегу реки *заимка* – ‘летний поселок у рыболовной тони’. Так же называли ворота, от которых начинается заимка, одиноко стоящий хутор, колхозный полевой стан, различные участки для сезонной работы: большой двор с надворными постройками, часть поля или леса; часть реки, выше плотины или запруженная с обеих сторон, и другие участки.

Сейчас пермский топоним Заимка воспринимается как результат появления застроенного участка вне основного поселения, т. е. города. Но так ли было в самом начале, когда Заимка не принадлежала отдельному лицу?

Эта территория в Перми стала осваиваться, когда появлялись скотобойня и промыслы отдельных предпринимателей, от названий промыслов возника-

ли названия улиц между домами на обширной территории: Кожевенная, Салотопенная, Рыбокоптильная. Топонимия Заимки хорошо иллюстрирует развитие названий городских объектов. В результате общественных изменений, революционных событий, войн возникли топонимы от именования революционеров, деятелей коммунистической партии, членов правительства. Так, через Заимку проходит улица имени Ф. Э. Дзержинского, что связано с открытием здесь завода и площади около него, названных этим же именем. Улица, с которой начинается Заимка со стороны Перми II, получила имя одного из жителей Перми, Героя Советского Союза С. П. Даньщина, погибшего в 1943 г.

С появлением здесь в 1916 г. первого на Урале университета ушли в прошлое производственные названия некоторых улиц, появились топонимы, образованные от фамилий заслуженных ученых, ректоров университета: А. Г. Генкеля, А. И. Букирева. Постепенно меняется география всей территории Заимки.

Наиболее ранние топонимы Перми (Егошиха, Данилиха) возникли, как показывает исследование происхождения географических названий, еще в XVI–XVII вв. В XVIII столетии утверждается название самого города, образованного на месте поселения Егошихинского медеплавильного завода и деревни Брюхановой, которая была основана выходцами с территории Муллы (Верхние Муллы, Нижние Муллы). Но топоним Заимка для части Перми в этот период еще не фиксируется в письменных текстах, хотя, видимо, мог существовать в разговорной речи людей, знавших эту территорию как освоенную Строгановыми. Из Муллов попасть на Егошиху мож-

но было по Каме и сухопутной дорогой. Еще не было самого города как основного поселения, вне которого должно было находиться место, используемое с хозяйственными целями. Таким образом, апеллятив *заимка* в период появления топонима должен был иметь другое значение, нежели рассматриваемое выше, – ‘занятое по праву первого владения место для хозяйственного использования’. Установить, какое именно, можно изучив географические особенности называемой территории.

Если представить, что могли увидеть на территории современной Заимки прибывающие в Пермь по Каме, то можно сказать, что это было устье реки Данилихи, впадающей в Каму в районе завода им. Дзержинского. В Каму со стороны современного города впадало несколько рек, текущих с высоты по оврагам (Егошиха, Медведка, Данилиха, Верхняя Мулянка, Нижняя Мулянка). Во время половодья весной или при больших дождях в устьях этих рек поднимался уровень воды, размывались берега, вода пропитывала почву, иногда разливалась вокруг. Появлялись займища. Займищем в России называли в разное время в различных сферах функционирования языка ‘пространное болото или низкое мокрое место, не годное для пашни, обычно с тростником, леском или кустарником’. В. И. Даль писал, что *займища* – «заросшие камышами и травой безлесные очень водяные болота, которые иногда простираются на десятки верст». В пермских памятниках письменности XVII в., опубликованных В. Шишонко, *займища* – ‘пойменные луга, затопляемые во время половодья’: «*Купили они пустошь… с пашнею и с росчистьми и с займища с лугами и с рыбными ловлями и с озеры, 1641 г.*».

Люди, смотревшие на территорию Заимки сверху, в частности со Слудки, скалистого берега, тянущегося почти 4 км от устья Егошихи, где был центр русского поселения, до обрыва около устья Данилихи, видели пропитанную водой землю, водную гладь речки Пермянки, впадающей в Данилиху справа, и берег Данилихи там, где теперь расположен корпус №5 университета и трамвайная остановка маршрута №3 под названием «Университет».

В памятниках письменности в текстах делового языка отмечается словосочетание *заимшее место,* которое соответствовало двум существительным (*заимка* и *займище*). Оба эти слова еще связаны с глаголами, обозначавшими занятие (людьми или водой) определенного места, их сближало еще и функционирование рассмотренного словосочетания, в котором определяющие слова имеют один корень, но различаются суффиксами. В итоге слово *займище* получает те же значения, что и слово *заимка*. Для старинного Прикамья были актуальны оба слова, но первоначальным был термин *займище* со значением ‘сырое, болотистое место’, которое видели поселенцы около Заимки, – устье речки Пермянки, текущей по глубокому оврагу (он был таковым еще лет 8–10 тому назад). Пермянку, как и Данилиху, со временем заключили в трубы и засыпали землей. Над Пермянкой сейчас расположен сквер имени Олега Новоселова, над Данилихой – корпус университета и трамвайная остановка. Но река здесь сопротивляется и периодически пытается вырваться из трубы, в результате почти постоянно появляется большая лужа на улице Генкеля. Эта лужа в дождливое время, как и в период половодья, иногда разливается до такой степени, что покрывает площадку между 5 корпусом и трамвай-

ной остановкой, напоминая, что здесь район *заимки*, *займища*, т. е. ‘занятый водой’. Таким он в прошлом был постоянно. И лишь потом постепенно термин *займище* могли заменить в топонимии синонимом *заимка*, распространенным в русских деловых документах.

Особенно досталось при освоении Заимки людям, работающим на строительстве железнодорожных путей и станции, так как на болотистой местности приходилось создавать и укреплять насыпи для главного и для горнозаводского путей у города Перми. При возведении насыпи было сохранено место для протекания между ними Данилихи. В Государственном архиве Пермского края хранится фотография, на которой видно это место и процесс строительства над ним железнодорожного моста над Данилихой. Мост сохранился, но под ним сейчас не река, а трамвайные пути и шоссе для проезда машин с Заимки в центральную часть города.

Над природными особенностями Заимки основательно поработали люди, проводя ее осушение. Они подготовили большую территорию ботанического сада университета, завезя для этого плодородную землю и окружив канавами для стока воды, построили в этом микрорайоне промышленные здания и даже основательный и красивый дом для приезжих на работу со всего Пермского края, переданный в 1916 г. его владельцем, купцом и предпринимателем Н. В. Мешковым, открываемому на Урале первому университету. Уже 97 лет он служит науке и образованию молодежи.

Так как болотистая почва окружала не только территорию университета, но и железнодорожные насыпи, выходила за их границы, здесь велась посто-

янная борьба с водой. В 50-е гг. XX в. осушили большой участок между главной насыпью и трамвайными путями на пути к вокзалу Пермь II, засадив его большим количеством берез, елей, вишен и яблонь. Весной при цветении яблонь это было одно из самых красивых мест города Перми. Постепенно часть их вырубили для нового трамвайного кольца и площадки для подготовки водителей машин, под Сад Камней, но вода не хочет окончательно уходить из почвы и скапливается в большой канаве между насыпью горнозаводской дороги и трамвайными путями.

Итак, в Перми апеллятив *заимка* дал топоним Заимка, но путь его в топонимию не был простым, он был осложнен употреблением первоначально синонимичного географического термина *займище*, сдвигами в значениях двух географических терминов (*заимка* и *займище)* и их взаимодействием в пермском просторечии.

В итоге работы над книгой отметим, что мы рассмотрели 10 географических названий на карте Перми, у каждого из которых была своя причина вхождения в топонимию, свой источник и свой путь проникновения в речь жителей города и утверждения в ней.

Список использованных терминов

Андроним – женское прозвище, образованное от имени или прозвища мужа, например: Терешиха, она же «*Марья Сергеева дочь* ***Терентьева жена*** *Исакова*».

Антропоним – именование человека (имя собственное: имя, отчество, прозвище, фамилия).

Апеллятив – имя нарицательное, ставшее основой имени собственного – топонима (заимка, слудка).

Ареал – территория функционирования какого-либо явления, особенности топонимии.

Гидроним – название реки, ручья (имя собственное).

Дериват – слово, образованное от другого слова с помощью суффикса или приставки.

Катойконим – название человека по месту проживания его в прошлом (имя нарицательное).

Лоция – чертеж русла реки с обозначением островов, заливов.

Метонимия – перенос названия с одного географического объекта на другой, соседний объект (имя собственное).

Ойконим – название населенного пункта (имя собственное).

Омонимы – слова, одинаково звучащие, но имеющие разные значения.

Ономаст, ономатолог – ученый, изучающий имена собственные.

Ономастика, **ономатология** – наука об именах собственных.

Ороним – название рельефа: высокого или низкого места (имя собственное).

Просторечие – городская «простая речь», общерусская разновидность городской речи, не обработанная в соответствии с нормами литературного языка.

Топоним – географическое название (имя собственное).

Топонимика – наука, изучающая происхождение и функционирование топонимов.

Топонимия – совокупность топонимов какой-либо территории.

Этимология – наука о происхождении слов.

Этноним – название племени или народа.

Этнонимика – наука, изучающая происхождение и функционирование этнонимов.

Этнонимия – совокупность этнонимов.

Литература о топонимах

Агеева Р. А. Происхождение имен рек и озер. М.: Наука, 1985. 144 с.

Азарх Ю. С. Слова на -иха в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования, 1977. М.: Наука, 1979. С. 175–195.

Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М.: Наука, 1984. 248 с.

Боднарский М. С. Словарь географических названий. М.: Учпедгиз РСФСР, 1958. 391 с.

Дмитриев А. Пермская старина: сборник исторических статей и материалов о Пермском крае. Писцовая книга Михаила Кайсарова по вотчинам Строгановых 1623–1624 гг. Пермь, 1889. С. 110–194.

Дмитриев А. Пермская старина. Пермь, 1890. Вып. 2: Пермь Великая в XVII веке. 273 с.

Дульзон А. П. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения // Топонимика Востока: Новые исследования. М.: Наука, 1964. С. 14–17.

Заплатин М. В объективе – Уральский Север. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1965. 144 с.

Кривощекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья. С кратким топонимическим словарем. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1983. 175 с.

Кривощекова-Гантман А. С. Откуда эти названия? Пермь: Перм. кн. изд-во, 1973. 110 с.

Кунгурские акты XVII века (1668–1699 гг.). СПб., 1888.

Лыткин В. И. Этноним *коми* и гидроним *Кама* // Этнография имен. М.: Наука, 1971. С. 254–258.

Матвеев А. К. Географические названия Свердловской области: топонимический словарь. Екатеринбург: Изд. дом «Сократ», 2007. 256 с.

Матвеев А. К. Географические названия Урала: топонимический словарь. Екатеринбург: Изд. дом «Сократ», 2008. 352 с.

Матвеев А. К. Ономатология. М.: Наука, 2006. 292 с.

Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая / под ред. А. Т. Тыбыковой. Горно-Алтайск: Горно-Алтайск. отделение Алтайск. кн. изд-ва, 1979. 399 с.

Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 382 с.

Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 168 с.

Оборин В. А. Русская топонимия писцовых книг Прикамья XVI–XVII вв. // Географические названия Прикамья / Перм. ун-т. Пермь, 1968. С. 63–79.

Оборин В. А., Вечтомов А. Д., Голдина Р. Д., Поляков Ю. А. Археологические памятники Пермской области // Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1976. С. 11–22.

Пастушенко И. Ю. Религиозные представления остяков Сылвенско-Иренского поречья в XVI–XVII вв. // Археология и этнография Среднего Приуралья / Перм. ун-т; Березники, 2001. Вып. 1. С. 107–116.

Переписная книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых //

Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С. 87–146.

Перечень внутренних водных путей Европейской части СССР. М., 1926. 530 с.

Пермская область: отрасли, регионы, города. Пермь, 1997. 262 с.

Писцовая книга Михаила Кайсарова Перми Великой 1623–1624 гг.

Полякова Е. Н. Кириченко Н. В., Окулова О. В. Географические аппелятивы в просторечии городов и поселков Прикамья (названия возвышенностей и их частей) // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь,1989. С. 129–130.

Полякова Е. Н. Географические термины в пермских деловых памятниках XVII – начала XVIII века // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. Вып.12: Русская топонимия и географическая терминология. С. 148–156.

Полякова Е. Н. Географические термины с конем *низ*- в русской речи Пермского края // Филологические заметки: межвуз. сб. науч. тр. Пермь; Скопье; Братислава, 2006. Вып. 4. Ч. 1. С. 254–262.

Полякова Е. Н. Диалектные апеллятивы в русских говорах и просторечии Пермского края (названия оврагов и природных ям // Вестник Пермского университета. Пермь, 2006. Вып. 3. С. 98–109.

Полякова Е. Н. Диалектные апеллятивы, исчезнувшие из пермских говоров // Этнокультурное пространство региона и языковое сознание: материалы науч.-практ. конф. Тюмень, 2006. Ч. 2. С. 87–91.

Полякова Е. Н. Диалектные апеллятивы, исчезнувшие из пермских говоров. Статья первая. КОКУЙ // Проблемы лингвистического краеведения: матери-

алы межвуз. науч.-практ. конф. Пермь, 2004. С. 51–56.

Полякова Е. Н. Диалектные апеллятивы, исчезнувшие из пермских говоров. Статья 3. ГЛЯДЕН, ПРОСТЬ, РЕДРЫЙ // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Пермь, 2006. Сер. филологическая. Вып. 1. С. 130–137.

Полякова Е. Н. Из топонимики Пермской области: Предварительные заметки о топонимике д. Пещеры // Языки и ономастика Прикамья. Пермь, 1973. С. 49–54

Полякова Е. Н. Исследования А.С. Кривощековой-Гантман в области ономастики // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Междунар. симп. Пермь, 2006. С. 23–29.

Полякова Е. Н. Источники изучения пермской топонимии XVI–XVII вв.// Извести / Урал. гос. ун-т. 2001. №20. Гуманитарные науки: История. Филология. Искусство. Вып. 4. С. 78–84.

Полякова Е. Н. К истокам названия *Пермь* // Глаголъ: Пермский филологический журнал. 2000. №1. С. 3–8.

Полякова Е. Н. Некоторые особенности микротопонимии пермских деловых документов XVII–начала XVIII века // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1976. Вып. 2. С. 38–46.

Полякова Е. Н. Об отражении в пермской топонимии результатов взаимодействия разных языков // Межкультурная коммуникация: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2004. С. 3–8.

Полякова Е. Н. Ойконимы в пермских ревизских сказках XVIII века // Проблемы лингвистического

краеведения: материалы межвуз. науч.-практ. конф. Пермь, 2002. С. 150–155.

Полякова Е. Н. Ойкономия Пермской области в историческом аспекте // Словесность и современность: материалы науч. конф. Пермь, 2000. Ч.2: Лингвистика. С. 91–98.

Полякова Е. Н. О пермской диалектной и ономастической лексикографии // Проблемы филологии в синхронии и диахронии: сб. ст. к юбилею проф. Л. А. Глинкиной. Челябинск, 2005. С. 267–275.

Полякова Е. Н. О словаре географических терминов в русских говорах и просторечии Пермской области // Природное наследие и географическое краеведение Прикамья: кр. сообщ. межрегион. науч.-практ. конф. Пермь, 1998. С.141–142.

Полякова Е. Н. От «араины» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988. 180 с.

Полякова Е. Н. Отражение в пермской топонимии связей разных культур (вишерский диалектный географический апеллятив *степь*) // Языковое сознание и текст: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2004. С. 251–260.

Полякова Е. Н. Память языка: рассказы о лексике Пермских памятников письменности и говоров. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. 208 с.

Полякова Е. Н. Пермские ойконимы в форме множественного языка // Русское слово. Пенза, 1998. С. 163–169.

Полякова Е. Н. Проблемы изучения Пермской ономастики (географических названий и фамилий), возникшей в результате взаимодействия различных языков Прикамья // Национальная культура и языки народов Прикамья: возрождение и развитие (к 200-

летию Пермской губернии): материалы межрегион. науч.-практ. конф. Пермь, 1997. С. 24–27.

Полякова Е. Н. Происхождение прикамских топонимов Чашкино озеро и Содом // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1985. С. 64–70.

Полякова Е. Н. Русская ономастика XVII века на территории Перми // Пермь: опыт развития, потенциал, перспективы: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 275-летию г. Перми. Пермь, 1998. С. 13–14.

Полякова Е. Н. Слова с корнем *ляд* в пермской лексике и ономастике // Филологические заметки: межвуз. сб. науч. тр. Пермь-Любляна, 2005. Вып. 2. Ч. 1. С. 209–218.

Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007. 420 с.

Полякова Е. Н. Соликамские рукописи XVII–XVIII веков как источник изучения топонимики // Ученые записки / Перм. ун-т. 1971. Т. 250. С. 239–253.

Полякова Е. Н. Топонимические справочники по Пермской области для туристов // География и регион. VI. Туризм и туристский сервис: региональные аспекты: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Перм. ун-т. Пермь, 2002. С. 118–121.

Полякова Е. Н. Топонимы Прикамья как памятники духовной и материальной культуры // Исторические названия – памятники культуры: тез. докл. и сообщ. всесоюз. науч. конф. М., 1989. С. 70–71.

Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI в. М.: Наука, 1974. Карты 4, 5.

Смолицкая Г. П. Занимательная топонимика. Рассказы о географических названиях. М.: Армада-пресс, 2001. 254 с.

Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической гражданской. URL: http:www. encyclopedia. ru/cat/online/detail/2078 (дата обращения: 27.01.2008).

Туркин А. И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986. 142 с.

УИЭ – *Уральская* историческая энциклопедия. Екатеринбург: УрО РАН. Изд-во «Екатеринбург», 1998. 624 с.

Ухов С. История Вятки как часть этнической истории Восточной Европы // Проект Хронос. URL: http: //www.hrono.ru. (дата обращения: 22.04.2006).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1967. Т. 2. 671 с.

Чагин Г. Н. Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004.

Чайкина Ю. И. Именования женщин в новгородских берестяных грамотах XI–XIV вв. // Вопросы ономастики, 2006. № 3. С. 33–37.

Шишонко В. Пермская летопись. Периоды второй-пятый Пермь, 1881–1885.

Шумилов Е. Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермяки. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. 270 с.

Шумилов Е. Н. Деревня Егошиха, поселок Егошихинского завода, город Пермь: проблема преемственности // Вестник Смышляевских чтений. Пермь, 2008. Вып. 5. С. 21–24.

Оглавление

Научно-популярное издание

Полякова Елена Николаевна

СТАРИННЫЕ НАЗВАНИЯ НА КАРТЕ ПЕРМИ

Монография

Редактор *И. И. Русинова*
Корректор *Л. С. Нечаева*

Компьютерная верстка *Л. С. Нечаевой*

Подписано в печать 05.12.2013. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 5,98. Тираж 200 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного национального
исследовательского университета
614990, Пермь, ул. Букирева,15

Типография
Пермского государственного национального
исследовательского университета
614990, Пермь, ул. Букирева,15